

The background is an abstract painting with a textured, layered appearance. A large, dark red heart shape is the central focus, surrounded by intricate, white, thorn-like or branch-like structures that seem to grow out of or around it. The overall color palette is dominated by earthy tones, with the red heart contrasting sharply against the grey, blue, and greenish tones of the surrounding brushstrokes.

Андрей Шляхов

**Клиника
С.....**

Андрей Леонович Шляхов

Клиника С...

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4582992

Клиника С... / Андрей Шляхов: Яуза, Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-59227-2

Аннотация

Таких медицинских романов вы еще не читали! Настолько правдиво и достоверно, так откровенно писать о «врачебных тайнах» прежде никто не решался. Это вам не милые сказки об «интернах», «докторах зайцевых» и «русских хаусах» – это горькая правда о неприглядной изнанке «самой гуманной профессии», о нынешних больницах, клиниках и НИИ, превратившихся в конвейер смерти.

Сам бывший врач, посвященный во все профессиональные секреты и знающий подноготную отечественной медицины не понаслышке, в своем новом романе Андрей Шляхов прорывает корпоративный заговор молчания, позволяя заглянуть за кулисы НИИ кардиологии и кардиохирургии, ничего не скрывая и не приукрашивая... Добро пожаловать в этот черно-белый мир – мир белых халатов и черных дел, сложнейших операций на сердце и тотального бессердечия. Вы надеетесь, что судьба никогда не приведет вас в Институт Смерти? Все на это надеялись...

Содержание

От автора	4
Отделение интервенционной аритмологии	6
Заместитель директора института по лечебной работе Субботина Валерия Кирилловна	20
Концы в воду	36
Кардиологический пасьянс	52
Царевна Лебедь	70
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Андрей Шляхов Клиника С...

От автора

НИИ кардиологии и кардиососудистой хирургии имени академика Ланга – учреждение вымышленное. Нет смысла искать его в справочниках или на карте Москвы. Если взять какое-то реально существующее медицинское учреждение и написать о нем книгу, то всем другим медицинским учреждениям, обойденным вниманием, сразу же станет обидно. Вот и приходится выдумывать названия учреждений и имена героев. Все прочее уже не вымысел, а реальность, суровая правда наших будней. Возможно, иногда она покажется вам, дорогие читатели, слишком суровой, но не надо винить в том автора, ведь автор, как уже и было сказано, выдумал только названия и имена.

Только самые умные и самые глупые не могут измениться.

Конфуций

Кто-то кого-то режет, кто-то кого-то душит.

Всюду одна нажива, жульничество и ложь.

Ах, не смотрели б очи! ах, не слыхали б уши!

Лермонтов! ты ль не прав был: «Чем этот мир

хорош?»

Мысль, даже мысль продажна. Даже любовь
корыстна.

Нет воплотимой грезы. Все мишура, все прах.

В жизни не вижу счастья, в жизни не вижу смысла.

Я ощущаю ужас. Я постигаю страх.

Игорь Северянин, «Поэза отчаянья»

Отделение интервенционной аритмологии

Пятиминутка началась бурно. Заведующая вошла, нет – ворвалась, в ординаторскую, села на единственный оставшийся незанятым стул за столом у окна и сразу же вцепилась в полного брюнета, сидевшего на диване рядом с Моршанцевым.

– Михаил Яковлевич, почему вы позволяете себе давать обещания больным за моей спиной?! Причем – заведомо невыполнимые обещания?! Вы такой умный?! Или – наоборот?!

«Однако!» – подумал Моршанцев, отводя взгляд от наливающегося красным лица Михаила Яковлевича. Настроение, бывшее до того приподнято-торжественным (как-никак первый рабочий день, да еще где – в самом НИИ кардиологии и кардиососудистой хирургии!), немного потускнело.

– Я никому, Ирина Николаевна... – забормотал Михаил Яковлевич. – Какие обещания?

– Что вы вчера во время обхода наговорили Красикову?! Вспомнили?!

– Но это же были предположения, – на лбу Михаила Яковлевича выступила испарина. – Я просто поделился мнением...

– Делиться мнением вы можете дома или в гостях! – оборвала Лазуткина. – А здесь вы – врач! Должностное лицо! И каждое ваше слово воспринимается больными и их родственниками как истина в последней инстанции!

Моршанцев невольно залюбовался заведующей. Хороша, хоть и явная стерва. Ему нравились такие женщины – изящные, большеглазые, с классическими точеными чертами и бархатной персиковой кожей. Ну а если еще глаза сверкают, пусть даже и гнев тому причиной, а на загорелых высоких скулах проступает румянец... В какой-то момент Моршанцев поймал себя на том, что слишком уж бесцеремонно пялится на заведующую, и стал смотреть в окно на облака, проплывавшие по низкому пасмурному небу.

– Идите, я вас больше не задерживаю! – прозвучало в завершение разноса.

– Совсем идти? – Михаил Яковлевич встал и растерянно огляделся по сторонам, словно ища поддержки у собравшихся.

Собравшиеся старательно отводили глаза в сторону.

– К Красикову идти, – заведующая отделением понизила голос до обычного. – Идти и исправлять свою ошибку. Заодно и с женой поговорите, чтобы не стояла цербером у моего кабинета. И если что-то подобное повторится...

– Не повторится, Ирина Николаевна, – заверил Михаил Яковлевич и вышел из ординаторской, неслышно закрыв за собой дверь.

– Что по дежурству? – заведующая посмотрела на женщину в высоком накрахмаленном колпаке, больше подходящем повару, нежели медику.

– В отделении сорок шесть человек, двое выписаны, один переведен в реанимацию, один поступил...

Доцент Мокроусов, узнав о том, где собирается работать Моршанцев, многозначительно хмыкнул и посоветовал семь раз все взвесить и только потом действовать. Моршанцев, во всем любивший ясность, пристал с вопросами и узнал, что ему предстоит работать у самой молодой из заведующих отделениями, которая, несмотря на совсем юный для этой должности тридцатилетний возраст, профессионализмом и умением держать подчиненных в ежовых рукавицах может заткнуть за пояс любого из коллег. «Лазуткина фурия, Дима, настоящая фурия!»

Мокроусов любил преувеличить и приукрасить, поэтому Моршанцев не придал большого значения его словам. Мягкосердечные и слабохарактерные люди начальниками обычно не становятся, а про любого из заведующих отделением можно нарасказывать страшилок. Невозможно руководить людьми, время от времени не прищемляя кому-то хвост, а стоит только раз сделать это, как пойдут разговоры о суровости, необоснованных придирах и т. п. А что молодая – так это к лучшему, значит, скорее возьмет на работу молодого доктора, только что окончившего ординатуру, чем какого-нибудь заслуженного обладателя множества званий и ре-

галий. И ему понятно, что любой начальник подбирает подчиненных с таким расчетом, чтобы сиять самому на их фоне.

Собеседование получилось коротким. Сначала Моршанцев рассказал о себе. Затем Лазуткина поинтересовалась, знает ли он, что Институт кардиологии и кардиососудистой хирургии – учреждение федерального подчинения и потому здешние врачи получают меньше «городских», работающих в учреждениях, подведомственных Департаменту здравоохранения города Москвы. Моршанцев ответил, что он в курсе, но гонится не за деньгами, а за опытом. Лазуткина шевельнула уголками своих тонковатых, но красиво изогнутых губ, что, вероятно, должно было обозначать улыбку, и уточнила, понимает ли Дмитрий Константинович, как именно наработывается опыт. Моршанцев сказал, что он готов поселиться в отделении и пахать до бесконечности, лишь бы была такая возможность.

Заведующая отделением пообещала, что возможность непременно будет, и отправила Моршанцева к заместителю директора по лечебной работе Субботиной. Считалось, что заведующие отделениями ведут первичный отбор, отсеивая непригодных кандидатов в доктора, а Субботина делает окончательный выбор. На самом же деле Субботина после недолгой беседы с кандидатом утверждала решение заведующего отделением. Это было мудро вдвойне – как в смысле психологической атмосферы в коллективе, так и в смысле ответственности заведующих за все происходящее в их от-

делениях. «Бачылы очи що купувалы, тепер иште хоч повылазьте!» – старательно копируя украинский говор (сама она была москвичкой в невесть каком поколении), отвечала Субботина тем, кто приходил к ней с жалобами на подчиненных.

Субботина первым делом поинтересовалась, в каких отношениях двадцатилетний Моршанцев находится с воинской службой. Услышав, что по причине язвенной болезни двенадцатиперстной кишки (последствие скверной студенческой привычки питаться на ходу и всухомятку) Моршанцев признан ограниченно годным к воинской службе и призыву не подлежит, кивнула и наложила на заявление косую размашистую резолюцию. Подпись чуть было не съехала на стол, но Субботина вовремя остановилась. «Женщина с характером, эмоциональная, не слишком сдержанная», – диагностировал Моршанцев, предпочитавший на досуге психологическое чтиво развлекательному...

– Хорошего всем дня! – заведующая отделением встала и встретила взглядом с пристально и немного недоуменно смотревшим на нее Моршанцевым. – Одну минуту! Познакомьтесь с нашим новым врачом, Дмитрием Константиновичем Моршанцевым. Дмитрий Константинович закончил ординатуру по сердечно-сосудистой хирургии в институте Вишневского...

– А что там не остался? – спросила бледная носатая женщина с капризно выпяченной нижней губой.

– Вас забыл спросить, Маргарита Семеновна! – ответи-

ла вперед Моршанцева заведующая отделением. – Прошу всех помочь Дмитрию Константиновичу поскорее освоиться. Дмитрий Константинович, сегодняшний день вы проведете с нашей старшей сестрой Аллой Анатольевной. Она познакомит вас с отделением и с институтом, а завтра уже вами займусь я...

– А какие палаты я буду вести, Ирина Николаевна? – спросил Моршанцев.

– Вы неправильно ставите вопрос! – нахмурилась заведующая. – Сначала я должна убедиться в том, что вам можно доверить больных, пусть даже и под присмотром, а потом уже вы получите палаты. Если получите. У нас – отделение интервенционной аритмологии, а не терапия в скоромощной больнице, где к больным пускают кого попало!

Можно было возразить, что терапия в скоромощной больнице – это не какой-нибудь санаторий, а хорошая, настоящая кузница кадров. Чего только не увидишь в таких отделениях, каких только диагностических поисков не проведешь. Моршанцев пошел учиться на врача по призванию, а не из каких-то иных соображений (хотя надо признать, что фактор престижности профессии тоже им учитывался), на старших курсах дневал и ночевал в стационарах, стремясь все увидеть и всему научиться, и элитарного презрения к обычным больницам разделить не мог. Но возражать, тем не менее, не стал – велик был риск превратить первый рабочий день в последний.

Алла Анатольевна, улыбочивая энергичная толстушка позднего бальзаковского возраста, первым делом отвела Моршанцева к сестре-хозяйке – приодеть. Затем усадила в своем маленьком кабинете, вручила чистый блокнотик из самых дешевых и начала вводить в курс дела, попутно занимаясь своей повседневной деятельностью.

По идее, работа всех медицинских учреждений организована по единому стандарту, но это только по идее, на первый взгляд. В каждом стационаре, в каждой поликлинике существуют свои, особые правила и порядки, начиная с того, как приглашаются к больным консультанты, и заканчивая нюансами распределения обязанностей во время дежурств.

Моршанцев слушал, исправно мотал сведения на несуществующий ус, то и дело черкал в блокнотике. Когда Алла Анатольевна выходила по делам, он читал различные инструкции и приказы, папки с которыми стояли рядом в шкафу, – даже вставать не надо, только руку протяни.

В половине второго Моршанцева отпустили пообедать. – Отдохните, Дмитрий Константинович, подкрепитесь, а потом я расскажу вам самое главное, – сказала Алла Анатольевна.

«Самое главное» заинтриговало, поэтому Моршанцев пообедал быстро, за десять минут. На дорогу до столовой и обратно плюс стояние в длинной, но быстро движущейся очереди ушло вдвое больше времени. Вернувшись в отделение, он застал старшую медсестру за чашкой растворимого ко-

фе и хотел было деликатно подождать в коридоре, но Алла Анатольевна махнула рукой, приглашая заходить. От предложенного кофе Моршанцев отказался. Не из стеснительности, а потому что не признавал никакого кофе, кроме молотого, крепчайшего, приготовляемого из расчета две полных «с горкой» ложки на чашку. Если кофе для язвенника яд, так пусть этот яд будет полноценным, а не какой-нибудь сублимированной бурдой. «Моршанцев – ты перфекционист!» – осуждающе говорила бывшая подруга Жанна. Моршанцев в ответ улыбался, разводил руками и говорил, что он таков, какой есть, и меняться уже поздно. Когда-то поначалу Жаннина критика умиляла, «критикует – значит, я ей небезразличен», думал Моршанцев, но со временем постоянные нападки начали утомлять и послужили одной из причин для расставания. Другой причиной стала избыточная любвеобильность подруги. Моршанцев не был ханжой, но и не считал возможным делить любимую женщину с кем-то еще. Под «кем-то еще» с учетом Жанниного романтического энтузиазма вполне можно было подразумевать не одного человека, а целую группу товарищей.

– Институт у нас особенный, – начала Алла Анатольевна. – Другого такого нет не только в России, но и в Европе...

«Рекламная пауза, – подумал Моршанцев. – Все верно – новичок должен проникнуться величием и осознать сопричастность».

– ...И люди у нас работают особенные, – заметив мельк-

нувшую на лице собеседника улыбку, Алла Анатольевна улыбнулась в ответ. – Да-да, особенные. Лучшие специалисты. В ЦКБ¹ наших врачей встречают с распростертыми объятиями, только не больно они туда рвутся...

Моршанцев приготовился скучать, но вступительное слово оказалось коротким – Алла Анатольевна уже перешла к делу:

– То, что я вам скажу, Дмитрий Константинович, очень важно. Важно для вас, чтобы вы смогли правильно влиться в наш коллектив и занять в нем подобающее место. Вы же собираетесь долго у нас работать, не так ли?

Моршанцев кивнул.

– Тогда прошу запомнить следующее. – Алла Анатольевна сделала коротенькую паузу, словно подчеркивая, оттеняя важность того, что будет сказано. – У нас не принято лезть в чужие дела. Активность следует проявлять только по делу, то есть – по отношению к своим больным и только с ведома и одобрения заведомо. Вы же слышали, как сегодня досталось Микешину от Ирины Николаевны?

Нетрудно было догадаться, что речь идет о Михаиле Яковлевиче.

– А что именно он сделал? – спросил Моршанцев, оставив риторический вопрос без ответа.

– Он неверно сориентировал больного в отношении сро-

---

¹ ЦКБ – Центральная клиническая больница Управления делами Президента Российской Федерации.

ков. Получилось так, что заведующая говорит одно, а лечащий врач – другое. Вы понимаете, чем чревата подобная ситуация?

– Понимаю. Недовольством, скандалами, жалобами.

– Вот-вот. Вы не обижайтесь, Дмитрий Константинович, что я вам все это проговариваю, ведь вы хоть и новичок у нас, но доктор, а я хоть и старшая, но медсестра...

– Что вы, Алла Анатольевна! – поспешил ответить Моршанцев. – Какие обиды, о чем вы? Наоборот, я вам очень признателен за то, что вы...

– Это моя обязанность, – мягко улыбнулась старшая медсестра. – Ирина Николаевна поручила – я выполняю.

Последняя фраза прозвучала строго и многозначительно, мол, не по своей инициативе я вас, доктор, поучаю, а потому как велено. Моршанцев понял намек и немного удивился тому, почему заведующая отделением не сказала ему этого сама. Да и зачем проговаривать ему, врачу пусть и молодому, но закончившему ординатуру, набравшемуся кое-какого опыта, очевидные вещи, известные каждому третьекурснику?

– Всегда помните, что за каждым больным стоит чей-то интерес, – продолжила Анна Анатольевна. – У нас не принято перебегать дорогу коллегам, не принято, как это говорят, «тянуть на себя одеяло», не принято выносить сор из избы. Все, происходящее в стенах института, должно здесь и остаться. Репутация института – это наша с вами репутация,

и пятнадцать ее нельзя. Вы это и сами понимаете, это все понимают, только иногда делают наоборот. А таких проступков у нас не прощают. Все что угодно простят, поправят, если можно поправить, прикроют, если поправить уже нельзя, но вот с неменяемыми, будь они хоть семи пядей во лбу и самые золотые руки Москвы, у нас принято расставаться сразу и бесповоротно. Да еще если кто-то будет справки наводить – расскажут все как есть, покрывать не станут, поэтому трудоустроиться будет проблематично. Я вас еще не очень запугала?

– Не очень, тем более что к неменяемым я не отношусь.

– Вот и славно.

Алла Анатольевна допила остывший кофе и удивленно посмотрела на сидевшего напротив Моршанцева.

– У вас есть какие-то вопросы, Дмитрий Константинович?

– Нет.

– Тогда идите домой, хватит с вас на сегодня.

– Но ведь рабочее время еще не закончилось, – Моршанцев сверил наручные часы с висевшими над дверью.

– У нас работают не от звонка до звонка, а столько, сколько требуется. Сегодня у вас первый день, обилие впечатлений, вот и ступайте домой их переваривать...

Поездка на автобусе до метро добавила впечатлений, только на этот раз несколько отвлеченных.

– Она мне говорит: «У вас в Екатеринбурге недавно открыли филиал нашего института. Почему бы вашему мужу

не обратиться туда?» Ага! Обратись! Туда без денег и со-
ваться нечего! – громко, на весь салон, возмущалась «астая»
дама, сидевшая впереди Моршанцева.

Слово «астая» Моршанцев придумал еще в школе для
обозначения женщин, обладающих избытком форм. Груда-
стая, задастая, щекастая – все это вмещалось в одно емкое
слово. Самому Моршанцеву нравились изящные, субтиль-
ные женщины и непременно – с большими доверчивыми гла-
зами. Избыток форм, на его взгляд, отдавал вульгарностью, а
за маленькими глазками крылись коварство и расчетливость.

– Без денег сейчас вообще ничего сделать нельзя, – под-
жала губы собеседница, горбоносый профилем походившая
на хищную птицу, – везде давать приходится.

– Так давать-то я готова! – колыхалась «астая». – Вопрос –
сколько! У нас мне назвали какие-то бешеные цены! За гос-
питализацию без очереди – тридцать тысяч, за операцию –
семьдесят...

– Семьдесят? – недоверчиво ахнула горбоносая.

– Это только хирургам! – уточнила «астая». – Анестезио-
лог и послеоперационное пребывание в реанимации оплачи-
вается отдельно. Я прикинула – на круг вышло не меньше ста
пятидесяти. Сестрам, то да се... Вот мы и решили попробо-
вать лечь в Москве, мы же российские граждане с полисами!
Я ей так все и объяснила.

– А она?

– А она улыбнулась с такой вот ехидцей и говорит: «Все же

я вам советую лечиться по месту постоянного проживания. У нас очереди еще длиннее и все вопросы решать гораздо сложнее. Не теряйте время попусту». Вы понимаете?! Нет, вы понимаете?! Прямо так вот, в лоб, дала понять – валите обратно, у нас еще дороже! А откуда у нас такие деньги? Мы всю жизнь работали, но, кроме болячек, ничего не заработали. Раньше все по-другому было...

Часть пассажиров мгновенно заглотнула брошенную наживку и принялась восхвалять благословенные былые времена, когда на шестой части суши текли меж кисельных берегов молочные реки. Сразу же нашлись оппоненты, вспомнившие ГУЛАГ, репрессии и железный занавес. Моршанцев поспешил вытащить из кармана наушники, подсоединить их к телефону и врубить музыку на полную громкость.

Well I hope that I don't fall in love with you
'cause falling in love just makes me blue,
Well the music plays and you display
Your heart for me to see,
I had a beer and now I hear you
Calling out for me
And I hope that I don't fall in love with you...²

Tom Waits, «I Hope That I Don't Fall In Love With You»

---

² Я надеюсь, что не влюблюсь в тебя, Потому что любовь заставляет меня грустить. Под музыку ты открываешь мне свое сердце, Я пил пиво, когда ты позвала меня. Я надеюсь, что не влюблюсь в тебя...

Ехать в компании с Томом Уэйтсом было приятно. Моршанцев прикрыл глаза, чтобы не видеть разгоряченных спором лиц своих попутчиков, но быстро спохватился, что может проехать свою остановку, и стал смотреть в окно. Когда он (уже без «таблеток» в ушах) выходил из автобуса, в салоне царил мир – все дружно ругали Горбачева. Почему-то почти всегда споры противников и сторонников советского строя именно этим и заканчиваются, хотя, по логике вещей, противникам положено его любить за то, что он расшатал и развалил Советский Союз, а сторонникам, соответственно, ненавидеть. Однако же вот, парадоксально, но факт – ненавидят и те, и эти. Скорее всего потому, что люди вообще не любят перемен и переносят эту нелюбовь на тех, кто их в перемены втягивает.

Заместитель директора института по лечебной работе Субботина Валерия Кирилловна

У медали под названием «жизнь», вручаемой нам непонятно за какие заслуги, две стороны. И как ни крути, как ни верти, как ни бейся – их все равно будет две. Если плохо – то не очень, если хорошо – то не совсем. Инь и Ян, гармония мироздания.

С одной стороны, Валерия Кирилловна имела все основания для того, чтобы гордиться собой и считать, что жизнь удалась. Заместитель директора НИИ кардиологии и кардиососудистой хирургии по лечебной работе – это фигура крупного масштаба, поважнее иного главного врача. Да что там главного врача! Статус директора института неофициально приравнивается к статусу заместителя министра, так что Валерия Кирилловна не без оснований ставила себя на одну ступеньку с министерскими директорами департаментов. Шутка ли – такой институт! Институтище! Два десятка корпусов! Шесть филиалов, седьмой строится! Три с половиной тысячи сотрудников, среди которых двести одиннадцать докторов наук и двадцать восемь академиков! Махина! Государство в государстве!

А с другой стороны – не все так здорово. Статус статусом,

а доходы не бог весть какие, потому что конвертики с ежемесячной данью проходят мимо Валерии Кирилловны, попадая из рук заведующих отделениями напрямик в директорский карман. Да и вообще всегда все хорошее достается директору, а заместителям только хлопоты да проблемы. Как в той сказке про мужика и медведя – одному вершки, а другому корешки. Если ожидается, что на министерской коллегии институт станут ругать, то на коллегию едет Валерия Кирилловна, если же хвалить – то едет Сам, Всеволод Ревмирович Каплуненко. Он никогда не упустит шанса искупаться в лучах похвал и славы. А если вникнуть и разобраться, то на ком держится вся лечебная работа, а? Правильно – на Валерии Кирилловне. Она как ломовая лошадь – сколько на нее ни навали, все потянет-вытянет, любую ношу.

Валерия Кирилловна и в мыслях не держала подсиживать директора института, чтобы самой сесть в его кресло. Понимала разницу в масштабах, да и вообще такие пакости были не в ее характере. Но вот стать директором филиала она бы не отказалась. Где-нибудь в Екатеринбурге, в Калининграде или в родном Саратове (далекие Хабаровск с Красноярском не рассматривались). Лучше быть первой девушкой на деревне, чем вечным вторым, а если разобраться, то и не вторым – пятым, наверное, в городе. Директор филиала – центровая фигура, царь и бог местного значения. К директорам ведь не только конвертики с деньгами ежемесячно стекаются. Есть у них и другие финансовые потоки, из которых

при известной осмотрительности и умении вести дела можно черпать постоянно.

Так нет же – стоило Валерии Кирилловне незадолго до сдачи калининградского филиала «проветилировать» в министерстве вопрос о возможности своего директорства («why not?», как говорят англичане и американцы, при наличии-то докторской степени и огромного административного опыта), как на следующий же день Всеволод Ревмирович высказал ей свое недоумение. Как же так, Валерия Кирилловна, на кого же вы нас, горемычных, покинете, мы же вас так любим, так ценим... и пошел попрекать всеми своими «благоденствиями». А взгляд при этом был такой, словно сейчас набросится и придушит. Или, как вариант, горло перегрызет. Умеет Всеволод Ревмирович посмотреть так, что сердце замирает и все сфинктеры расслабиться норовят, умеет. В общем, дал понять – сиди, мол, и не рыпайся, цени то, что имеешь. В Калининград директором Женька Козырев поехал, наш молодой сорокалетний гений, никудышный кардиохирург, но превосходный демагог и отменный интриган. Небось Всеволод Ревмирович решил сплавить его подалее, а то не ровен час потеснит. Ничего, этот фрукт Козырев и оттуда, из Калининграда, потеснит, с него станется. А Валерия Кирилловна сиди здесь в заместителях и на директорство больше не рассчитывай.

Стыдно сказать – надумала на старости лет сына с невесткой отселить (куда это годится, когда в одном доме две хо-

зьяйки?), так смогла купить квартиру только у черта на рогах, чуть ли не в Мытищах. Хорошая, правда, квартира, большая, планировка удобная, дом кирпичный, а не просто облицованный плиткой под кирпич, но – на самом краю света. Невестка, скотина ядовитая, сразу же окрестила новое место жительства «Зажопинскими выселками». Ишь ты, выселки. Купила бы на свои деньги напротив Кремля, если такая умная! А Всеволод Ревмирович не только в Москве, но и в Испании, и на Кипре недвижимость имеет. В Испании у него вообще, говорят, мраморный дворец в Марбелье, прямо на берегу Средиземного моря. И это у него, у Самого, а у дочери – своя недвижимость, купленная на свои доходы. А доходы там тоже не малые – как-никак заместитель папы по науке. Хваткая баба, своего нигде и никогда не упустит. Все диссертации – через нее, все клинические испытания препаратов – тоже только через нее, гранты с заказами – ну это вообще святое. Наш пострел везде поспел, то есть не пострел, конечно, а пигалица. Без слез на Инну Всеволодовну не взглянешь – маленькая, сутулая, шея кривоватая, левый глаз косит, а любовников меняет как перчатки. Наверное, темпераментом берет, темперамент у нее о-го-го какой, может на родного отца наорать прилюдно, а уж с подчиненными только на повышенных тонах и общается! Ну а чуть что не по ней, так хоть святых выноси и уши затыкай – такую бурю устроит. И был бы повод, а то так, по любому пустяку...

Валерия Кирилловна обреченно вздохнула, посмотрела

на часы и придвинула к себе пухлую картонную папку. Развязала тесемки, разложила по столу документы, раскрыла свой карманный ежедневник, чтобы отмечать нужное по ходу дела, и еще раз наскоро «проработала» тему, которую через двадцать минут ей предстояло обсуждать с подчиненными.

Тема была неприятной и могла обернуться громким скандалом, пятном на кристально чистой репутации института. Если уж говорить начистоту, то кристально чистой эта репутация не была никогда, но Валерия Кирилловна всегда употребляла два этих слова, говоря о репутации родного (и искренне любимого!) института. Очернить можно все и всех, что угодно и кого угодно, тем более в наше время, когда все вокруг такие сознательные и юридически подкованные. Жить, конечно, стало лучше, никто не спорит, веселее стало жить, да и возможностей несравнимо больше, но раньше, четверть века назад, когда Валерия Кирилловна только начинала работать, население относилось к врачам совершенно иначе. Врачей уважали, ценили, сочувствовали их низким заработкам и часто «благодарили» не только словом, но и чем-то более весомым. Валерия Кирилловна, будучи ординатором со своими палатами в терапевтическом отделении пятнадцатой городской больницы, при зарплате в сто пять рублей (это еще без вычета налогов) могла позволить себе одеваться у спекулянтов, втридорога переплачивая за вещи, которые по государственным ценам купить было невозмож-

но, и покупать мясо, овощи и фрукты на рынке, отборного качества и без очередей. Пациенты благодарили за внимание и хорошее отношение, благодарили как положено, не рассказывая об этом на каждом углу. Так тогда было принято, не то что сейчас, когда в обед дадут врачу сто долларов, а вечером об этом в своем блоге напишут, да еще и так изобразят, будто с них вымогали. Сейчас тяжело «окучивать грядки», осторожность нужна великая, чтобы не пострадать почем зря. Ей самой хорошо, она имеет дело только с надежными людьми – хорошо знакомыми или обратившимися по рекомендации от кого-то из близких людей, а каково заведующим отделениями? Там же косяком народ идет, надо уметь быстро и точно сообразить, с кем можно иметь дело, а с кем нельзя. А то ведь, смешно сказать, за какую-нибудь несчастную тысячу рублей (тридцать три доллара!) можно судимость получить. На пустом месте, ни за понюх табаку! Или если не судимость, то такое вот неприятное разбирательство, как, например, с этим Берковским, которому в рентгенохирургии (если официально – то в отделении рентгенохирургических методов диагностики и лечения) была проведена баллонная ангиопластика. Эта довольно простая, но полноценно восстанавливающая кровоток в суженном сосуде операция. Сперва больному делают ангиографию – вводят при помощи катетера в исследуемый сосуд контрастное вещество, чтобы сосуд был виден на рентгеновских снимках, и оценивают расположение и степень сужения сосудов. Затем к месту выяв-

ленного сужения проводят катетер с эластичным (полиэтиленовым, полиуретановым) баллоном и подают воздух. Баллон раздувается и расширяет сосуд до нормального состояния. При необходимости в просвет артерии вставляют специальную распорку – стент, предохраняющий сосуд от повторного сужения. Вскрывать грудную клетку, как, простите за сравнение, консервную банку, при баллонной ангиопластике не требуется – операционный доступ обеспечивается при помощи маленького, едва ли не сантиметрового разреза, в который вводится тонкий катетер, проходящий куда надо по сосудистой системе. Обезболивание местное, продолжительность – час-полтора. При отсутствии осложнений уже на следующий день можно ходить.

Гражданину Берковскому хотелось избавиться от стенокардии, которая, если верить записям в истории болезни, порядком ему досаждала. Консервативное лечение не давало существенного эффекта, поэтому встал вопрос о лечении хирургическом. История болезни Берковского была оформлена идеально («на уровне шедевра», как иногда говорила Валерия Кирилловна). В институте вообще было принято вести документацию как следует, без пофигизма. Люди умирают, вон, как тот же Берковский, а документы остаются, чтобы судить по ним о том, правильным ли было лечение или нет.

Берковский умер неожиданно, прямо во время операции. Стоило только катетеру достичь места сужения, как сердце

пациента остановилось и больше не «завелось», несмотря на все старания врачей и помогавших им сестер. Случается такое, хорошо, хоть нечасто. Может, так проявился рефлекторный ответ на раздражение сосудистой стенки, а может, еще что. Непознанного в человеческом организме куда больше, чем познанного.

Все бы обошлось, в конце концов, Берковский был молодым (семьдесят три года) и сильно больным человеком (перечень всех диагнозов в посмертном эпикризе занял половину страницы), если бы не начал мутить воду племянник из Тель-Авива. Племянник, врач-анестезиолог самого крупного израильского госпиталя, узнав о смерти дяди, заинтересовался обстоятельствами его лечения. Логичнее было бы интересоваться обстоятельствами при жизни дядюшки, да и не просто интересоваться, а поучаствовать, как вариант – пристроить на лечение в свой госпиталь, но вышло так, как вышло. Племянник ознакомился с данными обследования, оставшимися на руках у овдовевшей тетушки, расспросил ее о дядином самочувствии в последние месяцы жизни и сделал вывод (Шерлок Холмс доморощенный! Нет – скорее доктор Ватсон!) о том, что баллонная ангиопластика покойному Берковскому была не нужна. Да – имелось сужение артерии, да – наблюдалась клиника стенокардии, но кровь шла «в обход», по коллатералиям³, причем шла в достаточном ко-

---

³ Коллатерали (от лат. *com* – «с», «вместе» и *lateralis* – «боковой») – ветви кровеносных сосудов, которые обеспечивают обходные пути кровотока при закупор-

личестве. Частые приступы стенокардии племянник связал с повышением артериального давления... Заключение было таким: вместо того чтобы откорректировать схему лечения, то есть увеличить суточную дозу принимаемого Берковским капотена или заменить его на более эффективный препарат, пациента потащили на баллонную ангиопластику, во время которой он скончался.

Безутешная вдова прониклась духом мщения и наняла адвоката, причем не какого-то там бегуна-хлопотуна, а самого Княжичевского, погубителя репутаций и разбивателя судеб, славящегося отсутствием проигранных дел на протяжении всей своей более чем двадцатилетней практики.

Разумеется, директор института устранился от предстоящего судебного разбирательства, спихнув его на Валерию Кирилловну. Вызвал к себе, сунул в руки папку и пожелал успехов. Потом хлопнул себя по лбу (традиционный жест забывчивости всегда получался у Всеволода Ревмировича звонким-звонким, будто по пустой кастрюле стучат), вернул с порога и дал визитную карточку своего прикормленного юриста.

Перед встречей с юристом следовало переговорить с заведующим рентгенохирургическим отделением Яцыной, согласовать тактику, чтобы не противоречить друг другу, общаясь со служителями Фемиды и журналистами.

Яцына, по обыкновению, опоздал минут на десять.

– Прошу прощения, Валерия Кирилловна, никак из отделения уйти не мог!

Это так. Один у кабинета подстережет, другой у выхода, третий у лифта... и у всех что-то важное, у всех что-то нужное, приходится останавливаться, вникать, отвечать. Есть официальное установленное время для общения врачей с родственниками больных, но кто его соблюдает? Приезжай, когда тебе удобно, дай на входе столик (с полтинником лучше не соваться, полтинник гневно-оскорбленно швырнут обратно, заберите, мол, свою подачку) и проходи куда хочешь. Ну, почти куда хочешь, кроме операционных, реанимационных залов и еще кое-каких помещений.

– Садитесь, Ростислав Васильевич, и рассказывайте.

– Так я же уже рассказывал! – удивился Яцына, опускаясь на стул, скрипнувший под его ста тридцатью без малого килограммами.

– То вы рассказывали мне, а теперь расскажите как...

– Как на духу? – хихикнул Яцына. – Извольте! Главным критерием для нас является платежеспособность...

– Славик! – Валерия Кирилловна для пушей убедительности сопроводила окрик ударом ладони о столешницу. – Не устраивай тут мне балаган! Дело серьезное!

В минуты гнева, и не только, например в интимно-доверительные моменты, Валерия Кирилловна со многими подчиненными переходила на «ты». Со многими, но не со всеми. Наглая гордячка Лазуткина в ответ на «Ирочка, а что,

если мы передвинем твой отпуск?» ответила: «Нет, Лерочка, не сдвигай, пожалуйста, мой отпуск». Валерия Кирилловна потом полдня в себя прийти не могла. «Лерочкой» ее называли две-три самые близкие подруги и муж.

– Конфуций сказал: «не пошутить – и не весело».

– Ты не о Конфуции думай, а о Берковском. Излагай свою официальную версию, а я послушаю.

Официальная версия Яцыны была выстроена толково. Причем именно выстроена на основании записей в истории болезни, а не высосана из пальца. Ничего лишнего – направлен поликлиникой ввиду неэффективности амбулаторного лечения, обследован, подготовлен, взят на операцию и так далее. Все четко, все верно, все по уму. Стрелки искусно переводятся на поликлинику, в которой наблюдался покойный, и на самого покойного, который, неизвестно по каким причинам, слегка дезинформировал своих врачей. В отношении самой остановки сердца позиция вообще была непробиваемой. Пациент был надлежащим образом подготовлен, надлежащим образом прооперирован (пусть и не до конца), надлежащим образом реанимирован (аж два ребра сломали, делая непрямой массаж сердца).

– Я хоть и не юрист, но скажу со всей уверенностью, что уесть нас не получится, – сказал в завершение Яцына. – Потрепыхаются и отстанут.

– Я тоже не юрист, – вздохнула Валерия Кирилловна, – но общаться с этой публикой мне приходится чаще, чем тебе.

Это такие подонки, они наизнанку все вывернут и преподнесут на блюдечке как истину в последней инстанции. И какая-нибудь авторитетная экспертиза у них будет, и адвокатом сам Княжичевский. Так что победит тот, кто убедительнее подействует на судью, который ни разу не врач и в тонкостях наших не разбирается. Вот если бы речь шла о комиссии в министерстве, я бы с тобой согласилась – не уесть, как ты выражаешься. Кстати, деньги тебе кто передавал – покойник или его жена?

– Какие деньги? – Глаза Яцыны сделались круглыми. – Вы о чем, Валерия Кирилловна? Лечение гражданина Российской Федерации Берковского проводилось в рамках программы обязательного медицинского страхования...

– Значит – сам покойник, – констатировала Валерия Кирилловна. – Ладно, Ростислав Васильевич, идите. Как только приедет юрист, я вам позвоню.

– У меня еще одна проблема, Валерия Кирилловна, – Яцына отвел глаза в сторону и добавил: – Сложная и срочная.

– Ну! – подбодрила Валерия Кирилловна. – Что молчишь? Начал – так говори.

– У меня сложилось впечатление, что моя Ксюша стала колотья.

– Вот так новость! – Валерия Кирилловна, относившая себя к потомственной интеллигенции, по-деревенски всплеснула руками. – Ксюша – и колотья?

Ксюшей Яцына звал свою старшую медсестру Ксению Павловну, не по годам ответственную молодую особу с хронически неустроенной личной жизнью. Придя в отделение процедурной сестрой, она проявила себя столь хорошо, что через полтора года заняла кабинет старшей медсестры, ушедшей на пенсию. Разумеется, народная молва, вдохновленная столь стремительным карьерным ростом, сразу же записала Ксению в любовницы Яцыны, совершенно, надо сказать, безосновательно. «Можно всю жизнь есть картошку, но так и не стать ботаником», – отвечал Яцына тем из коллег, кто интересовался, почему он не предпочел кого-то из медсестер, давно работающих в отделении.

– Да! – кивнул Яцына. – Ксюша и колоться! Месяца три назад у нее появился новый бойфренд, какой-то музыкант из непризнанных гениев. Она вся такая воодушевленная порхала, ах – богема, ах – какие знакомства, ах – на Рождество мы поедем в Лондон! Девчонки просто дохли от зависти. А с прошлого месяца я начал замечать у нее перепады настроения, ранее ей не свойственные...

– Так, может, она беременна? – снисходя к мужской недогадливости, поинтересовалась Валерия Кирилловна.

– Так ведь не только одни перепады настроения. Еще и состояния перепады. То ходит бледная, снулая, носом шмыгает, глаза слезящиеся платочком трет, а вдруг, через какие-то полчаса, идет бодрая, румяная, никакого насморка. Это уже не на мысли о беременности наводит, а...

– Согласна, – Валерия Кирилловна в задумчивости пожевала губами. – Вены смотрел?

– Обратил внимание на руки. Руки чистые, но не такая уж она дура, чтобы колоться толстой иглой в локтевой сгиб, – Яцына то ли сожалеюще, то ли осуждающе мотнул головой. – Умные люди начинают с инсулинок⁴ и колются между пальцев или в стопы.

– А зрачки?

– А со зрачками получается интересно. Зрачки у нее вроде как нормальные, но в кармане она зачем-то таскает флакончик с тропикамидом. Сам углядел, лично.

– Это что за препарат? – в офтальмологии Валерия Кирилловна была не сильна. – Расширяющий зрачки?

– Он самый. Мидриатик, более щадящего действия, нежели атропин. Расширение зрачков через пять минут после закапывания, эффект длится до двух часов. Вот зачем ей понадобилось постоянно иметь при себе препарат, используемый исключительно для диагностических целей?

– Пожалуй, ты прав, – согласилась Валерия Кирилловна. – Что предлагаешь?

– Избавляться! – Яцына решительно рубанул в воздухе ладонью. – Рано или поздно она начнет чудить, и тогда... Ну, не вам это объяснять, Валерия Кирилловна...

---

⁴ «Инсулинка» – жаргонное название шприца для инъекций инсулина, маленького с тонкой иглой, практически не оставляющей следов от инъекции на коже (чаще всего их можно разглядеть только через увеличительное стекло).

У старшей медсестры хирургического отделения благодаря ее служебному положению есть определенные возможности, иначе говоря – доступ к сильнодействующим и наркотическим препаратам. Контроль строг, злоупотребления обычно быстро вскрываются, но до того можно успеть натворить дел.

– ...замену я найду, – продолжал Яцына, – у меня в отделении толковых сестер хватает. И на чем Ксюшу зацепить, чтобы предложить ей написать заявление «по собственному», тоже найду. От вас мне нужна поддержка. Она же непременно побежит жаловаться на меня к вам или к Галине Федоровне...

Галину Федоровну, главную медсестру института, сухопарую въедливую придиру, немного побаивался не только сам директор, но и его дочь, которая в стенах института ни с кем не считалась, ну, условно, вроде бы как признавала авторитет отца. Помимо ужасного во всех отношениях характера, Галина Федоровна имела двоюродного брата, занимавшего не самый последний пост в президентской администрации. Попробуй-ка кто тронь такую, рискни своим хилым здоровьем!

– С Галиной Федоровной я сама поговорю, – перебила Валерия Кирилловна. – Не бойся, поддержим. Нам наркоманы не нужны, тем более – в старших сестрах. А ты для начала попробуй с ней поговорить начистоту, по душам, может, тогда и гнобить не придется.

– Да какой наркоман признается в том, что он наркоманит? – искренне удивился Яцына. – Только лишний скандал получу.

– Возможно, ты и прав, Славик. А кого на ее место планируешь? Снова какую-нибудь молодую?

– Нет уж, спасибо! Вот где у меня эти молодые сидят! – Ростислав Васильевич чиркнул большим пальцем по горлу. – Скорее всего Тарасенкову, она, может, не такая шустрая, как Ксюша, но зато колоться не начнет и в декрет не уйдет. И в личной жизни у нее стабильность – обе дочери замуж вышли. Не женщина, а воплощение надежности.

Валерия Кирилловна не стала припоминать Яцыне, как он когда-то называл воплощением надежности свою нынешнюю старшую медсестру, восторгаясь ее умом и деловыми качествами.

Концы в воду

Самое обычное начало дня не предвещало никаких проблем. Моршанцева разбудил не будильник, а солнечный луч, что было несравнимо приятнее, хоть и проснуться пришлось на двадцать минут раньше. Верный правилу обращать все случившееся на пользу, Моршанцев вместо торопливого питья кофе устроил медленную, вдумчивую дегустацию, фоном для которой стал просмотр новостей Яндексa.

Новости оказались на удивление приятными. Никаких катастроф с убийствами и прочей чернухи. Прибавление в семействе панд, живущем в каком-то китайском зоопарке, открытие художественной выставки, выход нового ретро-детектива писателя Георгия Бакунского («надо будет после работы заехать в книжный», сделал в уме зарубку Моршанцев), новое детище отечественного автопрома запущено в серийное производство... И погода, судя по прогнозам, не должна была испортиться за день. Плюс двадцать два градуса, солнечно – день чудесный, прощальный подарок бабьего лета. Скоро, совсем скоро надолго зарядят монотонные дожди, наступит унылая московская осень, после которой радуешься зиме как невесть какому чуду.

Моршанцев не любил жары и холода, он вообще не любил крайностей. Крайности, считал он, только напрягают и изнуряют, нисколько не закаляя характер и не принося ни-

какой иной пользы. Впрочем, некоторые крайности были ему свойственны – врубить под настроение музыку погромче (в наушниках, только в наушниках, чтобы не раздражать соседей!), провести ночь без сна в приятной женской компании, скатиться на роликах с горки так, чтобы сердце на мгновение замерло в груди, обожраться какой-нибудь вкуснятины. Вкуснятина в понимании Моршанцева должна была быть пряно-мясной или бисквитно-кремовой. Коктейлем из морепродуктов, ризотто с артишоками или, скажем, творожно-йогуртово-клубничным тортом соблазнить его было невозможно.

По дороге от дома к метро (в хорошую погоду лучше не ждать автобуса, а идти напрямик, дворами) на Моршанцева не гавкнула ни одна собака и ни одна машина не бибикнула ему сердито. И поезд подкатил не с народом, успевшим набиться за три остановки, а совершенно пустой, так что до кольцевой Моршанцев ехал сидя и читал с экрана своего андроида «Танцоров» Муркока. На кольцевой из-за тесноты читать было невозможно, а после следующей пересадки читать пришлось стоя, что немного снижало удовольствие.

Общеинститутские «пятиминутки», растягивавшиеся минут на сорок, были интересны Моршанцеву не только с медицинской точки зрения, но и с бытовой, как источник информации об институте вообще. Выступления, споры, вопросы, ответы, реплики с места – все это помогало узнать изнанку институтской жизни, понять невидимые механизмы,

этой жизнью управляющие. Зачем? Странный вопрос! Конечно же для того, чтобы комфортнее было работать. И не только комфортнее, но и эффективнее. Надо же представлять, за какую именно ниточку надо дернуть, чтобы достичь того или иного результата. Взять хотя бы заведующих отделениями. Один придет на срочную консультацию по вызову любого врача, надо так надо. Другого лучше вызывать через Ирину Николаевну, с простым врачом, тем более недавно работающим в институте, они и разговаривать не станут. Ну а таких важных или важничающих персон, как заведующий отделением рентгенохирургии Яцына, вызывать бесполезно. Его можно только просить, причем желательно сопровождать просьбу комплиментами вроде: «Кроме вас, Ростислав Васильевич, и обратиться не к кому». Тогда Яцына отмякнет душой и придет, точнее – снизойдет до того, чтобы прийти. В каждой пробирной палатке свои заморочки, приколы и неполадки.

После того как были заслушаны отчеты дежурных врачей, со своего места в президиуме, образованном длинным столом на сцене большого конференц-зала, поднялась заместитель директора по лечебной части Субботина. Обвела взглядом аудиторию, открыла рот, что-то сказала и, спохватившись, взяла со стола микрофон.

– У меня – информационное сообщение.

Тишина в зале сменилась тихим, перекатывающимся по рядам гулом. Собравшиеся начали перешептываться, согла-

совывая друг с другом планы на сегодняшний день – консультации, переводы, обследования. Для всего есть установленный рабочий порядок, но ведь каждый день что-то случается, что-то меняется и необходимо вносить срочные коррективы.

– Это касается всех! – повысила голос Валерия Кирилловна.

Гул затих.

– У нас новый министр или новые оклады? – тихо спросил мужской голос где-то за спиной Моршанцева.

– Новые геморрой! – так же тихо ответил другой мужской голос.

– Как помнит большинство из присутствующих, в марте против врача Тихоновой из второго детского отделения хирургического лечения врожденных пороков сердца было возбуждено уголовное дело по... номера статьи я не помню, речь шла о причинении смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей...

Зал снова загудел. Валерия Кирилловна выдержала небольшую паузу и продолжила:

– Напомню для наших новых коллег и тех, кто забыл обстоятельства этой трагедии. Одному из наших пациентов, которому было десять лет, провели операцию по устранению изолированного дефекта межжелудочковой перегородки.

ки. Операция осложнилась инфекционным аортитом⁵. После операции ребенок находился под наблюдением доктора Тихоновой, которая проявила халатность – не обратила внимания на жалобы пациента на боль в области послеоперационной раны, повышение температуры и нарастающую слабость, не придавала значения анализу крови и не назначила антибиотики. Более того, – Валерия Кирилловна повысила голос, – не желая выслушивать постоянные жалобы пациента и его матери, Тихонова поторопилась выписать тяжелобольного ребенка на амбулаторное лечение уже на шестой день после операции, указав в истории болезни, что выписка проводится по настоянию матери пациентки. Заявление от матери она не приложила, потому что такого заявления не было. Матери было сказано, что их выписывают, потому что в отделении нехватка свободных коек...

«Куда смотрели заведующий отделением и вы, уважаемая зам директора по лечебной работе? – подумал Моршанцев. – Ну вы-то ладно, вам в день по сотне, если не больше, выписных историй на подпись приносят, во все вникать времени не хватит, поэтому вы ориентируетесь на подпись заведующего: есть – значит, все в порядке. Но заведующий, заведующий куда глядел? Странно».

– Тихонова исполняла обязанности заведующей отделением и поэтому исправить ее ошибку было некому, – словно прочитав мысли Моршанцева, сказала заместитель директо-

---

⁵ Аортит – воспаление стенок аорты.

ра. – Выписка прошла беспрепятственно, но на третий день после нее несчастный ребенок умер дома от разрыва воспаленного участка восходящего отдела аорты. По факту смерти было возбуждено уголовное дело, доктор Тихонова уволилась и ждала суда, находясь под подпиской о невыезде. Так вот, суд состоялся. Приговор – два года в колонии-поселении с лишением права заниматься врачебной деятельностью в течение двух лет.

– Катя так надеялась, что ей дадут условно, – сказал кто-то из женщин справа от Моршанцева.

– Могло быть и хуже, – ответила другая. – Колония-поселение – это все же не настоящая зона.

– По второй части сто девятой статьи могли и на три года посадить, – авторитетно заявил рыжебородый крепыш в тесноватом, явно не по размеру, халате. – Я эту проклятую статью наизусть помню!

Призвав сотрудников института ответственнее относиться к своей работе, Валерия Кирилловна переглянулась с главной медсестрой, также сидевшей в президиуме, и объявила пятиминутку закрытой. В толпе коллег Моршанцев вышел в коридор и пошел по переходу в свой восьмой корпус. Настроение, совсем недавно такое безоблачное и приподнятое, испортилось, и виной тому было информационное сообщение Субботиной. «Бедный ребенок, – думал Моршанцев. – Перенести операцию на открытом сердце (это ведь не вскрытие абсцесса или удаление вросшего ногтя!) и уме-

реть спустя неделю от осложнения, которое попросту не лечили. А если бы лечили, то...»

На первом курсе Моршанцев истово верил в безграничные возможности медицины. Если что-то невозможно сегодня, так оно непременно будет возможно завтра.

К третьему курсу он скатился в скептицизм. Медицина, которую еще толком-то и понюхать не удалось, казалась нагромождением разрозненных, трудно постижимых и никак не связанных с жизнью наук. Однажды юный Дима Моршанцев дошел до того, что во всеуслышание назвал медицину «традиционно узаконенным шарлатанством».

Только на пятом курсе, поднаторев в клинических дисциплинах, Моршанцев начал смотреть на медицину трезво и непредвзято. Да – можем многое. Да – многого еще не можем. Но наука не стоит на месте, а перманентно движется вперед, и с каждым днем мы можем все больше и больше. Достаточно полистать любой из двух томов справочника практического врача 1959 года издания (всего полвека прошло ведь) и сравнить прочитанное с сегодняшним днем. Операции на открытом сердце стали обыденными, повседневными, чуть ли не рутинными. Это здорово, этим можно гордиться. Но никакой уровень развития науки и техники, насколько высок бы он ни был, не может уберечь от опасности, имя которой – человеческий фактор.

В ординаторской коллеги обсуждали новость. Моршанцев явился в самый разгар дискуссии.

– Отарик, ты не сравнивай Тбилиси с Москвой, – Маргарита Семеновна Довжик, высокая и широкая в кости, нависла над доктором Капанадзе, сидевшим за своим столом. – У вас там свои законы...

– Ритуля, я тысячу раз говорил, что я родился и вырос в Батуми! – Капанадзе сделал страдальческую мину и закатил глаза. – Учился в Саратове, потом переехал в Москву. В Тбилиси я только гостил у родственников! Разве трудно запомнить? Я же не говорю тебе «у вас в Киеве»! Я помню, что ты из Николаева!

– Я в общем смысле, Отарик. У вас там кровная месть, абреки, кунаки...

– Цинандали, Саперави, Боржоми... – обреченно вздохнул Капанадзе. – Только я не понимаю, какое это имеет отношение...

– Такое, что у вас строже относятся к врачебным ошибкам...

– Это так, да. От родственников у нас отвязаться труднее, чем от прокурора.

– Задним умом все мы крепки, – сказал Микешин. – Тихонова крайняя, значит, на нее можно повесить всех собак.

– Не можно, а нужно, Михаил Яковлевич, – вставила Довжик.

Моршанцев сел на диван. На него привычно не обратили внимания. Коллеги обращались к Моршанцеву только по делу, а если дел не было, то предпочитали его не замечать.

Новая работа сильно проигрывала ординатуре в смысле морального комфорта. В Институте хирургии имени Вишневского к ординатору Моршанцеву врачи, в том числе и «остепененные», относились как к равному. Нынешние коллеги постоянно давали понять, что он им не ровня. Хуже всего, что это пренебрежительное отношение передавалось и медсестрам. Медсестры смотрели на Моршанцева нагло и с вызовом, хихикали за его спиной, явно смеясь над ним, проговаривали обращения по имени, забывая про отчество. Моршанцев изо всех сил старался сохранять спокойствие, напоминал, что у него есть отчество, игнорировал смешки, якобы не замечал наглых взглядов, но скручивалась, скручивалась в его душе невидимая пружина, которая когда-нибудь должна была выстрелить. Пока же терпелось.

– Работаем, работаем, себя не жалеем, и вот она – благодарность. – Довжик уселась боком за свой стол и закинула ногу на ногу. – Бедная Катя! Два года за колючей проволокой!

– Колония-поселение – это не так уж и очень, – Капанадзе пренебрежительно махнул рукой. – Что-то вроде двухгодичного стройотряда.

– Боже сохрани от такого стройотряда! – Микешин истово перекрестился. – Два года где-нибудь в тайге лес валить!

– Женщины лес не валят, – возразил Капанадзе.

– А что же они там делают?

– Не знаю, одежду шьют, наверное.

– Зарплаты копеечные, престижа никакого, да еще и сажает ни за что ни про что, – пригорюнилась Довжик. – Чувствуешь себя тряпкой, о которую каждый может вытереть ноги...

– При чем тут тряпка, Маргарита Семеновна? – вырвалось у Моршанцева. – И разве смерть ребенка – это «ни за что ни про что»?

– Смерти бывают разные, молодой человек, – снисходительно ответил Капанадзе. – Слышали поговорку: «У каждого врача свое кладбище»?

– Слышал, Отари Автандилович, только, насколько я понимаю, эта поговорка в данном случае неуместна.

– О! – Маргарита Семеновна посмотрела на Моршанцева так, словно видела его впервые. – У вас, доктор, есть свое мнение по этому вопросу? Можно узнать, какое?

– Можно, – ответил Моршанцев. – Я считаю, что если кто и достоин сострадания, так это родители умершего мальчика. Будь моя воля, я бы доктору Тихоновой влепил бы лет семь, если не все десять, и запретил бы ей навсегда работать врачом.

– Так вот сразу – десять лет и вон из медицины? – Довжик склонила голову набок и прищурилась.

– Вон из врачей, – уточнил Моршанцев, сцепляя пальцы рук в замок, чтобы унять внезапно возникшую дрожь. – Если уж так хочется, то можно остаться в медицине. Санитаркой.

– А вы – радикал! – оценил Микешин.

– Скорее – демагог, – поправила Довжик.

– Не вешайте человеку ярлыки, – примиряюще сказал Капанадзе, ободряюще подмигивая Моршанцеву. – Он еще ни разу не наступал на грабли...

– При чем здесь грабли?! – возмутился Моршанцев. – Угробить пациента – это не грабли! Одно дело – когда врач добросовестно ошибается, и совсем другое...

– Когда он ошибается недобросовестно!

– Я бы попросил не перебивать меня, Маргарита Семеновна! «Проспать» аортит, да еще и поторопиться выписать домой ребенка, у которого явно не все в порядке, спрятать концы в воду, – это разве не преступление? Как вы можете говорить, что вашу Тихонову...

– Она такая же моя, как и ваша! – взвизгнула Довжик. – И не надо читать нам нотации! Яйца курицу не учат, разве не так? Зачем вы вообще влезли в наш разговор, Дмитрий Константинович? Мы вашим мнением не интересовались!

– А можно было бы и поинтересоваться! – выпалил Моршанцев. – Глядишь, и открыли бы для себя что-то новое! Хотя – нет, навряд ли. Это же про вас сказано: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас»!⁶

– Вы к нам не из семинарии случайно пришли, такой правильный и начитанный? – съязвила Довжик.

---

⁶ Матф. 7:6.

– Я из дома пришел! – невпопад ответил Моршанцев.

– Что за базар-скандал? – в ординаторскую вошла заведующая отделением. – Что не поделили?

– Так, о жизни разговариваем, Ирина Николаевна, – уклонился от прямого ответа Капанадзе.

– Не разговариваем, а орем на все отделение, – поправила заведующая. – В чем дело?

– Дмитрий Константинович мечет громы и молнии на голову Кати Тихоновой, а мы пытаемся ему объяснить, что не все так просто.

Довжик умела так – вроде бы сказать правду и в то же время перевернуть все с ног на голову.

– Рано начинаете, Дмитрий Константинович, – заведующая отделением неодобрительно покосилась на Моршанцева. – Прежде чем высказывать суждения по таким вопросам, надо набраться опыта, проработать год-другой...

Моршанцев, как и подобало исконно русскому человеку, запрягал долго, но ехал быстро и, начав движение, останавливаться не собирался.

– Ирина Николаевна, позвольте мне высказывать мои суждения тогда, когда я сочту это целесообразным! – он не кричал, но говорил громче обычного. – Я взрослый человек и дипломированный врач!

– Дмитрий Константинович, пройдемте ко мне! – Заведующая отделением развернулась на своих высоченных каблуках (рискнул бы кто намекнуть ей, что подобная обувь, пре-

восходно сочетающаяся с вечерними нарядами, не годится в качестве рабочей) и вышла из ординаторской, оставив дверь распахнутой.

Моршанцев встал и пошел за ней. Дверь, как и подобает воспитанному человеку, тихо закрыл за собой.

Заведующая отделением отчитывала Моршанцева тихо, не повышая голоса, – блюла приличия.

– Что вы себе позволяете, Дмитрий Константинович?! Кто вам дал право устраивать скандалы в ординаторской? Кто вам дал право повышать на меня голос? Вам еще рано учить жизни других, сначала самому надо бы научиться кое-чему...

Колючие слова, колючий тон, колючий взгляд. Объяснять не было смысла – все равно не поймет, поэтому Моршанцев молча ждал, пока начальница выговорится и отпустит его во-свояси. Или потащит за собой в операционную. Или поручит описать больного. На исходе первого месяца свой работы он продолжал действовать «на подхвате», словно студент, и это не радовало, совсем не радовало. Может, и впрямь надо было попробовать остаться там, где проходил ординатуру? На «насиженном» месте, в знакомом и доброжелательном коллективе?

– Вы меня слушаете, Дмитрий Константинович?

– Слушаю.

– У вас такой отсутствующий взгляд... Кстати, я давно хотела спросить, а почему вы так часто улыбаетесь?

Вопрос озадачил. Что-то Моршанцев не замечал за собой такой привычки. Хотя если сравнить с неизменно строгой Ириной Николаевной, вечно недовольной Маргаритой Семеновной или перманентно унылым Михаилом Яковлевичем, то улыбался он и впрямь часто. Капанадзе тоже не улыбался, а скалил свои белоснежные зубы, совсем как горный барс, чью шкуру так любят носить на плечах витязи.

– Да так... – замялся Моршанцев, словно его уличили в чем-то недостойном. – Когда настроение хорошее – почему бы не улыбнуться?

– Когда хорошее – улыбаемся, когда плохое – нападаем на коллег! – Ирина Николаевна сдвинула брови на переносице. – Пора бы научиться владеть своими эмоциями.

– То есть – не улыбаться? – уточнил Моршанцев и улыбнулся, чтобы было видно, что он шутит.

Шутить, конечно, не стоило. Ирина Николаевна напряглась пуще прежнего и обрушила на Моршанцева свой праведный гнев.

– Вы что-то вконец обнаглели, Дмитрий Константинович! – прошипела она, так и сверкая глазами. – Может, у нас с вами незначительная разница в возрасте, но статусы совершенно несопоставимые...

«Какой изящный и в то же время убийственный укол!» – восхитился Моршанцев.

– ...вы пока еще ничем себя не проявили, а уже столько себе позволяете. Зарубите себе на носу – со мной лучше не

фамильярничать. Я никому не позволяю ничего подобного. Вы пока еще никто и зовут вас никак! С девушкой своей фамильярничайте!

Можно снисходительно относиться к причудам начальства, можно закрывать глаза на многое, утешаясь тем, что там, где дурак вякнет, умный промолчит, но чувством собственного достоинства, если оно есть, пренебрегать невозможно. Моршанцев секунду-другую поколебался с выбором тактики и остановился на более brutальном варианте. В конце концов, слова «вы пока еще никто и зовут вас никак» требовали возмездия.

– Это намек, Ирина Николаевна? – Моршанцев постарался как можно достовернее изобразить удивление.

– Какой намек? – опешила от неожиданности заведующая.

– Ну, вы намекаете, что я могу фамильярничать с вами только в том случае, если вы станете моей девушкой.

Немая пауза длилась секунд тридцать.

– Я? Стану? Вашей? Девушкой? Да вам, Дмитрий Константинович, лечиться надо! От излишнего самомнения! И хорошенько запомните, что вслед за еще одной подобной шуточкой последует ваше увольнение!

– Я понимаю, Ирина Николаевна. Отношения препятствуют совместной работе.

Адрес, по которому заведующая отделением отправила Моршанцева, нельзя было найти ни на одной карте. Это был не посыл, а скорее экспрессивно высказанная просьба уйти

и оставить заведующую в покое.

Удивляясь тому, как легко ему удалось испортить отношения не только с коллегами по работе, но и с начальницей, Моршанцев вышел в коридор, успев напоследок услышать:

– Я жду ваше заявление, Дмитрий Константинович!

Заявление так заявление. Моршанцев уселся за свой стол (коллеги разошлись по делам, и в ординаторской было пусто) и быстро написал заявление об увольнении по собственному желанию с сегодняшнего числа. Ничего, на этом институте свет клином не сошелся, есть в Москве и другие места, может, даже и лучше. В отношении «лучше» Моршанцев, конечно же, кривил душой, ибо не было в России, а то и во всей Европе по его профилю учреждения круче, чем НИИ кардиологии и кардиососудистой хирургии имени академика Ланга. Но если уж здесь не сложилось, так и жалеть не о чем. И вообще, снявши голову, по волосам не плачут.

Заявлению Ирина Николаевна удивилась.

– Я думала, что вы просто извинитесь, – сказала она.

Скомканное заявление отправилось под стол, в корзину для мусора.

Моршанцев стоял и ждал. Извиняться он не собирался, во всяком случае первым.

– Из-за вас я опоздала на обход! – укорила заведующая, вставая из-за стола. – Что вы встали как памятник? Идите...

Кардиологический пасьянс

С чей-то легкой руки (не иначе как остролова Капанадзе) Моршанцева в отделении прозвали Дон-Кихотом и очень скоро сократили до Дона. Моршанцеву было все равно, как его зовут за глаза, главное, чтобы в глаза звали Дмитрием Константиновичем, а не Димоном, Димчиком или Димочкой.

Сентябрь Моршанцев провел «на подхвате». Описывал новых больных, выписывал старых, организовывал консультации и переводы, присутствовал при установках кардиостимуляторов⁷, иногда даже ассистировал. В октябре, по его расчетам, должна была начаться «настоящая» работа – со своими больными, которых надо вести от поступления до выписки, с собственноручной установкой им кардиостимуляторов, с настоящей ответственностью.

Установка кардиостимулятора выполняется под местной анестезией. Прокалывается под ключицей вена, в нее вводится особая пластмассовая трубка, через которую проводят электрод и под контролем рентгена направляют его в полость сердца. Наиболее сложным этапом операции является установка и закрепление кончика электрода в предсердии или

---

⁷ Кардиостимулятор или, правильнее, «электрокардиостимулятор», сокращенно ЭКС – прибор, предназначенный для навязывания пациенту стабильного сердечного ритма, обеспечивая правильную, ритмичную работу сердца.

желудочке таким образом, чтобы получить хорошую реакцию сердца на стимуляцию, иначе говоря – надо найти, что называется, на ощупь, наиболее чувствительное место. После того, как место найдено, на груди пациента, в подкожной клетчатке (у очень худых – под мышцей) устанавливают стимулятор и зашивают рану наглухо. Все, установка завершена. Вся операция длится от часа до двух.

Ответственности Моршанцев не боялся, напротив – подобно всем неопитам, с нетерпением ждал возможности проявить себя и доказать всем (в первую очередь – Ирине Николаевне, а во вторую – Михаилу Яковлевичу, Отари Автандиловичу и Маргарите Семеновне), что он – настоящий врач, не хуже других.

Могло бы показаться удивительным, что Моршанцев, закончив ординатуру по кардиохирургии, остановил свой выбор на отделении интервенционной аритмологии, занимающейся установкой электрокардиостимуляторов тем больным с аритмиями, у которых неэффективно классическое лечение с использованием лекарственных антиаритмических препаратов. Установка кардиостимулятора относится к «малым», довольно простым операциям. То ли дело так называемые «операции на открытом сердце». Вот где она, истинная, большая кардиохирургия!

Моршанцев желал поскорее обрести полную профессиональную самостоятельность. Он понимал, что в «большой» кардиохирургии может простоять в ассистентах лет до соро-

ка пяти, если не всю жизнь. Карьера складывается по-разному, пути ее неисповедимы, и если не посчастливится стать заведующим отделением или, скажем, каким-нибудь «ведущим» хирургом, то так и простоишь у операционного стола вторым или третьим номером. Конечно же, Моршанцев верил в себя и в свою счастливую звезду, а как же иначе, но в то же время отдавал себе отчет в том, что далеко не все зависит только от него. В отделении интервенционной аритмологии обрести самостоятельность можно было много раньше, тем более что на втором году пребывания в ординатуре Моршанцев установил под контролем наставников добрую дюжину кардиостимуляторов.

В речи заведующей отделением пару раз проскальзывали намеки на то, что вскоре Моршанцеву предстоит «подняться на следующую ступень». Как оказалось, представление об этой ступени у каждого было своим.

– Дмитрий Константинович, не желаете ли перейти на месяц в дежуранты?

Вопрос был задан тоном, не допускающим возражений.

– Как скажете, Ирина Николаевна.

Со времени последнего конфликта они стали относиться друг к другу более предупредительно. Натешились уже, нахамили взаимно друг другу, чуть до увольнения не дошло.

Пока еще Моршанцев не дежурил ни разу. Не доверяли.

– Подежурите месяц, освоитесь окончательно... Наши врачи дежурят по двум «плановым» отделениям – нашему и

«тахикардитическому». Ничего сложного в этих дежурствах нет...

«Тахикардитическим» сокращенно называлось отделение хирургического лечения тахикардитий⁸.

– ...но первый раз отдежурите вместе с кем-то из наших врачей. С кем бы вас поставить на первое дежурство?

– Если можно – то с Капанадзе, – не раздумывая, попросил Моршанцев.

Из трех зол надо выбирать наименьшее. Дежурство с Маргаритой Семеновной было абсолютным злом, дежурство с Михаилом Яковлевичем – унылым злом, а вот с Отари Автандиловичем можно было подежурить. Кроме высокомерия, свойственного всем врачам отделения интервенционной аритмологии, других пороков за ним Моршанцев не замечал. Да и высокомерия за месяц, кажется, поубавилось, на днях даже анекдот рассказал, снизошел, так сказать, до неформального общения.

– Хорошо, с Капанадзе так с Капанадзе, – судя по выражению лица, именно такого ответа заведующая и ожидала.

Сама она не дежурила – одной из привилегий заведующих отделениями является отсутствие дежурств, правда, не всегда и не везде. Если дежурить некому, то приходится дежурить заведующим, а некоторые дежурят и по собственному почину, не желая «отрываться» от практики.

Дежурства в плановых отделениях, в которые пациенты

---

⁸ Тахикардития – патологически ускоренный сердечный ритм.

поступают только днем, обычно сильно не напрягают. Новых больных принимать не надо, старые спокойно продолжают лечение, если никто не ухудшится, то и делать нечего. После вечернего обхода Отари Автандилович заговорщицки подмигнул Моршанцеву и ушел. Моршанцев подумал, что подмигивание было просьбой подстраховать если что, но подстраховывать никого не пришлось, потому что очень скоро коллега вернулся с пластиковым пакетом, из которого были последовательно извлечены и выложены на столе спиртовка, медная турка, железная банка из-под чая, чайная ложечка и цилиндрическая упаковка с надписью желтым по красному «сухое горючее».

– В раздевалке прятать приходится, чтобы администрация не ругалась, – пояснил Капанадзе. – Придумали себе какую-то пожароопасность. Как будто я не понимаю, как с этим хозяйством обращаться. Ты как любишь? (Они перешли на «ты» еще до вечернего обхода, где-то в седьмом часу вечера во время игры в шашки.) Крепкий? Сладкий? Или горький, как моя судьба?

– Крепкий и горький, – выбрал Моршанцев.

– Это правильно, – одобрил Капанадзе, – тем более что сахара у меня нет, потому что я его совсем не употребляю. Пришлось бы идти побираться к сестрам...

Чтобы никто не мешал процессу, дверь ординаторской заперли на ключ.

– Одно дело – подозревать, другое дело – видеть, – про-

комментировал Капанадзе. – Какая спиртовка, какая джезва?

– Какой кофе? – поддержал Моршанцев. – Мы вообще чай пьем.

– Мой дед говорил, что чай хорош только в качестве средства от потливости ног! И это при том, что его жена, моя бабушка, всю жизнь проработала агрономом на чайной плантации. Сначала простым, потом – главным. Можешь себе представить, как доставалось деду дома за такие слова! Наши женщины только на людях покорные, лишнего слова не скажут. Дома они совсем другие. Темперамент, да...

Вымыв и насухо вытерев турку, Капанадзе насыпал в нее кофе, залил водой из двухлитровой пластиковой бутылки, стоявшей на подоконнике, зажег спиртовку и приступил к варке кофе. Попутно делился воспоминаниями:

– Я, можно сказать, у самой тети Ани учился варить кофе. Помнишь, была на закате социализма такая программа «Взгляд»? Ах да, ты на закате социализма «Спокойной ночи, малыши» смотрел и мультики. Сколько времени прошло, а? Так вот, в этой передаче тетя Аня учила весь Советский Союз варить правильный кофе. Так, чтобы пенка целый день стояла. Тетя Аня – это наша батумская буфетчица, которая славилась умением варить кофе. На весь Союз прославилась, представляешь? Только эта слава ей не очень помогла – странная она какая-то потом стала. Хотя, может, и не слава виновата, а возраст. Тетя Аня была на восемь лет стар-

ше моей бабушки Тинатин, которая жила на улице Камо, рядом с цирком. Интересно, вы сейчас знаете, кто такой Камо?

Моршанцев отрицательно мотнул головой.

– Товарищ Сталина, вместе банки грабили. Немножко в свой карман, немножко революционерам. Потом, когда Сталин уже стал главой государства, Камо погиб. Попал под единственный на то время в Закавказье грузовик. Шучу, не единственный, конечно, но близко к тому...

Кофе был настолько хорош, что его захотелось повторить. После второй чашки Капанадзе закончил с воспоминаниями и начал делиться опытом.

– Повышаем уровень? – спросил он, кивая на принесенное Моршанцевым толстенное «Руководство по клинической аритмологии», и сам же ответил на свой вопрос: – Повышаем. Только самого главного в книгах не пишут. Главному нас жизнь учит.

– Да, конечно. Опыт – лучший учитель.

– Конкретно в нашей специальности нет ничего сложного. Диагностика довольно простая, принципы лечения четкие, не размытые, операции несложные. Доктор Хаус от такой работы сразу бы заскучал. Но это только на первый взгляд. На самом же деле, если хочешь заработать, надо в первую очередь работать вот этим, – Капанадзе трижды постучал указательным пальцем по лбу. – Тот, кто плохо соображает, настоящих денег не заработает.

– Пример можно? – попросил Моршанцев, не совсем по-

нимающий, к чему клонит Капанадзе.

– Можно, почему нельзя? Например – положили к тебе новенького. Официально положили, все как полагается, по состоянию здоровья показана установка ЭКС, в детали углубляться не стану, потому как они не имеют значения, россиянин с полисом. Что ты станешь делать?

– Лечить, – пожал плечами Моршанцев. – Чего тут еще делать?

– Очень многое! – воскликнул Капанадзе. – Больной должен понять, что его желания и показания – это еще не все. Необходимо схожее желание врача. Как говорил монтер Мечников, «согласие есть продукт при полном непротивлении сторон». «Двенадцать стульев» ты, надеюсь, читал?

– Читал.

– Очень хорошо, что читал. Умная книга и не занудливая, что редкость. Так вот, если ты что-то соображаешь, то начинаешь обстоятельно обследовать своего пациента и усердно искать любую зацепочку, уцепившись за которую можно потянуть время. Только, подчеркиваю, ищешь, а не создаешь на ровном месте. Всегда следует учитывать возможность жалоб, поэтому все должно быть задокументировано так, чтобы исключать возможность придираков. У меня друг работает терапевтом в призывной комиссии. Так они там делают деньги не на тех, кто здоров, ну их к черту, а на тех, кто реально болен. Пока не заплатишь, на твою болезнь внимания не обращают. Как только заплатил – делу дают зеленый свет.

Если придут проверяющие – все у моего друга как положено и освобожденные от воинской службы больны по-настоящему. Понимаешь?

– Понимаю.

– Так и у нас, на случай жалобы нужно иметь документальное обоснование всех своих действий. Вот, прошу вас, смотрите – дважды назначали день операции, но по таким-то причинам приходилось его переносить. И вот для этого, для того чтобы обосновать свое желание и свое нежелание, нужны ум, знания и опыт.

– И многим пациентам так приходится обосновывать?

– Да почти всем! Вот, например, из тех, кто сейчас у меня лежит, на халяву проскочили только Тимошин и Перегудова. У Перегудовой сын в прокуратуре Юго-Западного округа работает, с этой публикой я предпочитаю не связываться, а Тимошин – ужасный человек, чуть что – пишет жалобы во все инстанции. На меня уже две написал, пока только директору института, а не президенту. Такого кверулянта надо обслужить как можно быстрее и так же быстро выписать, что я послезавтра и сделаю.

– А за что он писал на вас... на тебя жалобы? – любопытствовал Моршанцев.

– Первый раз он жаловался на то, что я не мою руки перед тем, как щупать его пульс во время обхода, а второй – на то, что я не стал назначать ему престариум, которого у нас нет, а назначил вместо него капотен. Если он не хочет

за свои деньги покупать себе лекарства, то с какой стати это буду делать я? Лечись тем, что есть, и не выступай! Короче говоря – учись находить нужные аргументы и не балуй своих пациентов. И никогда не верь в эти сказки для идиотов о том, что тебя отблагодарят постфактум. Если бы я имел десятую долю того, что мне обещали, то давно бы уже бросил работу, купил бы себе виллу в Греции или на Кипре и жил бы в свое удовольствие, может, даже стихи бы писал. Люди несовершенны, пока ты им нужен – они готовы на все, как только нужда пропадает, они сразу же забывают о тебе. Или если не забывают, бывают же некоторые порядочные, то благодарят пятисотрублевой бутылкой коньяка московского разлива. У меня дома этим коньяком вся антресоль забита. Я сам такое не пью, держу для стимуляции сантехников и электриков. Иногда сосед-пенсионер просит опохмелиться, ему тоже даю. Вот на хрен мне нужна такая благодарность. Никого не интересует, что я ежемесячно должен... – тут Капанадзе запнулся и договаривать фразу не стал. – Мои проблемы никого не интересуют. Я врач, я клятву давал и поэтому всем по гроб жизни обязан. Разве это справедливо?

– У каждого свои понятия о справедливости, – уклончиво ответил Моршанцев, которого немного покорибила откровенность коллеги.

Уточнять, кому это Капанадзе «ежемесячно должен», не было нужды. По кое-каким обрывкам услышанных фраз Моршанцев успел понять, что врачи отделения интервенци-

онной кардиологии ежемесячно передают заведующей отделением какую-то, судя по всему, довольно крупную сумму. Самому Моршанцеву никаких намеков на эту тему сделано не было, не говоря уже о прямой речи, из чего можно было сделать вывод о том, что «оброком» облагаются лишь доверенные и проверенные. Моршанцев не отказался бы, чисто из любопытства, узнать, о какой сумме или хотя бы сумме какого порядка идет речь, но спрашивать об этом у Капанадзе не стал. Такие вопросы задавать не принято, а правдиво отвечать на них – тем более.

– Ирина Николаевна – молодец! – продолжал Капанадзе. – Умная женщина, хваткая, нервная слишком, это есть, но на заведовании кто хочешь нервным станет. Моя мама терапевтическим отделением во второй городской больнице заведовала, так мы с братьями просто боялись ей под руку попадаться, когда она домой приходила. Ждали, пока она поест, кофе выпьет, бабушке новости расскажет... С людьми вообще нервно работать, а с больными – тем более. Это у патологоанатомов хорошая работа, ни пациенты их не достают, ни родственники. Забыл уже, к чему я эту песню завел?

– Про Ирину Николаевну зашел разговор, – ответил Моршанцев.

– Да-да, про нее. Так вот, обрати внимание, как она с клиентурой работает. Четко так все дает им понять, причем прямо ни одного слова не скажет, чтобы никто не смог за язык ее поймать. Довжик все время шипит, что заведующая нас

всех в черном теле держит, сама все решает, а я ей говорю: «Ритуля, зато мы свой кусок хлеба спокойно едим, знаем, что не подавимся им». Разве этого мало? Кстати, Дима, ты в курсе, что своим трудоустройством ты в некотором роде обязан Рите?

Услышь Моршанцев, что солнце начало всходить на западе, а садиться на востоке, он удивился бы куда меньше.

– Я?! – вытаращился он. – Маргарите Семеновне?

– Да. Как только стало известно о переводе нашего доктора Черкасского в Калининград, Рита сразу же принялась «сватать» какую-то свою подругу. Не только Ирину Николаевну обрабатывала, но и к Валерии Кирилловне ходила. Так всех достала, что Ирина Николаевна поспешила... Ну, в общем...

– Взять кого попало, лишь бы не протеже Маргариты Семеновны, – закончил Моршанцев.

– Все мы когда-то были начинающими докторами. А насчет «кого попало» я ничего не говорил – это все твои выдумки. Мы, конечно, ожидали, что она возьмет врача с опытом работы, но кардиохирурги не стоматологи, нас не так уж и много...

Потом Моршанцев читал свое «Руководство по аритмологии», а Капанадзе достал колоду карт и принялся раскладывать пасьянс. Поймав удивленный взгляд Моршанцева, он улыбнулся и сказал:

– Кардиологический пасьянс «Червы».

– Почему кардиологический? – не понял Моршанцев.

– Потому что червовая масть имеет форму сердца.

Капанадзе трижды раскладывал пасьянс, всякий раз подолгу тасуя карты, затем убрал их в ящик стола и вздохнул.

– Не сошлось ни разу! Жаль.

– И что с того? – поинтересовался Моршанцев.

– Это означает, что ночью нам долго спать не дадут, – Капанадзе говорил серьезно, без тени улыбки. – Верная примета, я вообще в приметы верю. Так что давай, пока все спокойно, немного поспим. Ты постельное белье у сестры-хозяйки взял?

О постельном белье Моршанцев забыл. Пришлось сходить на пост и попросить у медсестер пододеяльник, простыню и наволочку из запаса, предназначенного для перестилки коек по дежурству. Капанадзе ушел спать в пустовавшую одноместную палату, местный отделенческий «люкс», предоставив в распоряжение Моршанцева ординаторскую.

Моршанцев застелил диван («дежурные» одеяло и подушка хранились в шкафу), снял халат, оставшись в зеленой хирургической пижаме, улегся, попытался было почитать «Руководство», но очень скоро заснул при включенном свете, который ему совершенно не мешал.

Проснулся Моршанцев от шума в коридоре. Какой-то крик, звук быстрых шагов. На автопилоте, еще не успев окончательно проснуться, Моршанцев выскочил в коридор, на ходу надевая и застегивая халат. О колпаке, положенном

в левый карман халата, он впопыхах забыл.

Двери всех палат, кроме шестой, были закрыты. В шестой, четырехместной мужской палате, доктор Капанадзе реанимировал одного из пациентов.

Как и положено – пациент лежал на полу, потому что непрямой массаж сердца эффективнее проводить на жесткой поверхности, да и кровать не будет скрипеть на все отделение. Одна из дежурных медсестер ритмично нажимала на дыхательный мешок, обеспечивая поступление свежего воздуха в легкие реанимируемого, а другая хлопотала возле передвижного стола на колесиках. Чуть поодаль стоял передвижной монитор, от которого к груди пациента тянулись разноцветные провода. На экране монитора тянулась ровная светящаяся линия зеленого цвета, свидетельствующая об отсутствии сердечных сокращений.

Остальные «постояльцы» (их было трое) лежали на своих койках, отвернувшись к стене и натянув на голову одеяла. Своеобразная, пусть и наивная, попытка огородиться от происходящего, нечто вроде страусиного прятанья головы в песок или еще куда.

Моршанцев присел у головы пациента и принял из рук медсестры дыхательный мешок.

– Остановка сердца на фоне... Мобитц-два... – сообщил в такт надавливаниям Капанадзе. – Вдруг захрипел... сосед позвал...

Атриовентрикулярная блокада типа Мобитц-2 – это нару-

шение проводимости импульса в сердечной мышце, чреватое риском возникновения полной блокады, когда импульсы от предсердий к желудочкам не проводятся вообще. В таком случае сердце может остановиться, что, собственно, и случилось.

Освободившаяся медсестра прикатила аппарат для искусственной вентиляции легких. Моршанцев сменил подуставшего Капанадзе...

К положенным тридцати минутам добавили еще пятнадцать, но пациент так и не «завелся». Капанадзе едва слышно выругался и послал сестер за каталкой.

Перед тем как начать заполнять историю болезни, следовало выпить кофе, хотя бы для того, чтобы прояснилось в голове. Начало четвертого – не самое продуктивное для умственной деятельности время суток. Пока Капанадзе колдовал над джезвой, Моршанцев ознакомился с историей болезни умершего. Вел шестую палату доктор Микешин.

Шестьдесят два года, пенсионер, ИБС в течение последних десяти лет, год назад перенес передне-перегородочный инфаркт миокарда, осложнением которого стала блокада, лечился то амбулаторно, то стационарно, направлен в отделение из районной поликлиники, в которой наблюдался. Провел в отделении восемь дней, операция установки кардиостимулятора дважды откладывалась. В первый раз лечащему врачу не понравился клинический анализ крови, по которому можно было заподозрить, что в организме больного

имеется какое-то воспаление, и он решил его повторить, а во второй раз у пациента резко подскочило артериальное давление, во всяком случае именно так было записано в истории болезни. Моршанцев подумал о том, что анализ крови и подъем давления могли быть поводами, и ничем более. Пводами, в итоге приведшими к смерти больного, ведь если бы кардиостимулятор был установлен, то и пациент был бы жив.

От таких мыслей стало противно и гадко, словно испачкался в чем-то липком, зловонном. Так же противно было Моршанцеву во время первого приезда на занятия в Онкоцентр, когда на подступах он увидел множество разномастных и разноцветных объявлений, обещавших полное и окончательное избавление от рака за два часа, два дня, две недели. Объявления были расклеены повсюду – на столбах, на заборах, на деревьях, на гаражах-ракушках, на мусорных баках... Конечно – каждый волен предлагать и каждый волен выбирать, но, по мнению Моршанцева, эти попытки обобрать отчаявшихся, хватающихся за последнюю соломинку были сродни мародерству. Моршанцев не был воплощением бескорыстия. В ординатуре случалось ему несколько раз принимать от пациентов благодарность, скажем так, выраженную в материальной форме. Но одно дело, когда ты не просишь, не вымогаешь и даже не ждешь, а тебе дают по своей воле, и совсем другое, когда ты заведомо обманываешь умирающего, чтобы обобрать его напоследок как липку. Что

греха таить – от одного из онкологов Моршанцев услышал цинично-откровенное: «Зачем потенциальному покойнику деньги? Пусть уж лучше они достанутся мне». В ответ захотелось сказать что-то резкое, но мутно-белесые глаза собеседника излучали такую непрошибаемую уверенность в своей правоте, что слова здесь были излишни, потому как бесполезны. Моршанцев предпочел оборвать разговор на полуслове и уйти.

Это была первая смерть в отделении за время работы Моршанцева, поэтому ему было очень любопытно узнать, как отреагирует заведующая отделением. Не в эмоциональном смысле, а в профессиональном. Начнет ли задавать вопросы? Какие? Станет ли разбирать случай на пятиминутке?

Вопросов не было, как не было и разбора. Ирина Николаевна выслушала сообщение Капанадзе, бегло прочла то, что он написал по дежурству в истории болезни, и передала ее Микешину для написания посмертного эпикриза.

– На ходу меня не ловите! – предупредила она. – Пока не прочту – подписывать не стану.

Моршанцеву еще не представилось случая познакомиться с патологоанатомической службой института, но он не раз уже слышал, что с местными служителями Осириса⁹ шутки плохи. Любой пробел в оформлении истории болезни пациента, направленного на вскрытие, сразу же доводился до све-

---

⁹ Осирис – бог в древнеегипетской мифологии, владыка загробного мира. «Служитель Осириса» перен. – патологоанатом.

дения заместителя директора по лечебной работе, после чего лечащий врач вместе с заведующим отделением получали нагоняй. Каждая смерть, будь она хоть тысячу раз обусловлена течением болезни, – это всегда повод для жалобы, а во время разбирательств все «огрехи» в истории болезни трактуются не в пользу врачей, а против них. Невозможно представить, но врачей, работавших в институте с мировым именем, время от времени собирали для того, чтобы напомнить им, как следует оформлять истории болезни, отправляемые в патологоанатомию, и разобрать наиболее вопиющие ошибки, чтобы таковые никогда более не повторялись.

Царевна Лебедь

У руководителей фармацевтических фирм есть Заветная Мечта – включить свои препараты в документ с длинным названием: «Перечень лекарственных средств, отпускаемых по рецептам врача (фельдшера) при оказании дополнительной бесплатной медицинской помощи отдельным категориям граждан, имеющим право на получение государственной социальной помощи». Проще говоря – это перечень лекарств, которые врачи поликлиник могут выписывать льготникам.

Льготников у нас хватает (начиная с детей в возрасте до трех лет и заканчивая инвалидами войн), и лекарств им выписывается много. А перечень невелик – не дотягивает и до трех сотен препаратов. Можно представить, на какие ухищрения готовы пойти иные фирмы, чтобы только протолкнуть, пропихнуть, внести свою продукцию в заветный перечень.

Не нахвалишь – не продашь, это общеизвестно. Реклама – двигатель торговли. Некоторые лекарства (обычно те, которые можно купить без рецепта) рекламируются широко, в расчете на конечного потребителя, а некоторые только в профессиональных врачебных журналах. Можно просто напечатать рекламу: «Трахтарароксин незаменим при лечении язвенной болезни», а можно и поизящнее и поубедительнее – в виде научной статьи, в которой рассказывается о клини-

ческих испытаниях и приводятся убедительные статистические данные. Что-то вроде: «Динамика клиникоиммунологических показателей в оценке эффективности применения трахтарароксина при язвенной болезни двенадцатиперстной кишки». Вроде и не реклама уже, а авторитетная научная рекомендация.

Так уж сложилось, что на рынке антиаритмических препаратов было сразу два лидера, два гиганта, которые шли, как выражаются англичане, «neck and neck», что дословно переводится как «шея в шею», а художественно как «голова в голову». Компания «Перк, Сэндс энд Хаус», основанная более ста лет назад тремя предприимчивыми нью-йоркскими аптекарями, еще совсем недавно была абсолютным лидером, но в последние годы ее догнала и потеснила «Эбигейл Лэбораториз», образовавшаяся в результате слияния двух солидных фирм – «Эбигейл» и «Лаборатуар Индустриель де Сервилль». Обе компании активно сотрудничали с медицинскими кафедрами и научно-исследовательскими институтами. Обе компании стремились к абсолютному лидерству. Обе компании умели мягко постелить, но спать на этой постели иногда было жестко.

– Инна Всеволодовна, мы сотрудничаем с вами не первый год, и все это время вам не в чем было упрекнуть нашу компанию. Наша компания выгодно отличается от других своими взглядами на сотрудничество и умением ценить хорошее отношение...

Сочный баритон Оливье Жермена, директора российского представительства «Перк, Сэндс энд Хаус», умиротворяюще обволакивал и навевал сон. Инна Всеволодовна тряхнула головой, отгоняя колдовской морок.

– Тот, кто не умеет ценить хорошее отношение, быстро его лишается, – сказала она, подбавив в голос резкости, чтобы дать понять сладкоречивому месье Жермену, что он слегка перегибает палку.

В конце концов, не только он один выражает свою признательность кэшем. Другие тоже не лыком шиты, понимают особенности и традиции той страны, в которой они работают. Да, нельзя отрицать того, что «Перк, Сэндс энд Хаус» не скупится ради достижения своих целей и никогда не торгуется. Но это только потому, что кроме них Инна Всеволодовна дружит и с «Эбигейл лэбораториз». И не только с «Эбигейл лэбораториз», но и с другими фармацевтическими компаниями рангом поменьше. Глупо было бы «ложиться» под монополиста, как бы тебя ни обольщали. Как только деловой партнер поймет, что стал для тебя единственным и любимым, так сразу же начнет выкручивать тебе руки, выдвигая одно требование за другим. И ведь придется принять – деваться-то все равно некуда. Кстати, все сказанное касается не только деловых партнеров.

– Мы очень ценим ваше хорошее отношение, Инна Всеволодовна, – проникновенно сказал месье Жермен, улыбаясь во все свои тридцать два белоснежных зуба.

– Настолько, что даже научились правильно выговаривать мое отчество, – поддела его Инна Всеволодовна.

Кем она только не была поначалу – и Инной Солодовой, и Инной Вседоловой, и Инной Володьевной... Ничего, при должном терпении и настойчивости можно зайца научить играть на барабанах, а уж француза произношению славянских имен – и подавно.

– Ах, Инна Всеволодовна! – француз прижал руки к сердцу и закатил глаза; не то восхищался своей собеседницей, не то у них так принято изображать раскаяние.

Общаться с Жерменом (заглазное прозвище «месье Салат», а как еще прозвать человека по имени Оливье?) было легко и в то же время трудно. Свойский, живой, артистичный стиль общения выгодно отличал его от других топ-менеджеров, которых точно прихватило морозцем. Но в то же время подобное поведение расслабляло оппонентов, а кто расслабился – тот проиграл. Дошло до того, что однажды Инну Всеволодовну посетила шальная, даже не шальная, а бредовая мысль о том, каков этот подтянутый сорокалетний красавчик в постели. Должно быть, месье Салат что-то почувствовал, потому что его приветливо-дружеский взгляд вдруг стал каким-то бархатным, а голос так прямо воркующим. Хорошо, что удалось сразу взять себя в руки, чтобы минутная слабость не превратилась в крупную ошибку. Инна Всеволодовна не привыкла отказывать себе в чем-либо, но интрижки с деловыми партнерами – это уже чересчур, это табу. За-

крутить роман с кем-то из сотрудников института она могла совершенно спокойно. Девочке понравилась новая игрушка, девочка поиграла с ней, натешилась и отставила в сторону. Осложнения? Помилуйте, какие могут быть осложнения, если любой, кто посмеет создавать ей проблемы, пусть даже самые маленькие, пробкой вылетит из института. Навсегда! Качать права и молить о прощении бесполезно – отцовский авторитет непоколебим, а сама она никогда ничего не забывает и не прощает.

Закончив с реверансами, месье Салат взял быка за рога.

– Меня очень расстраивает, когда я получаю удары в спину, – сказал он, мгновенно погрузившись лицом и взором.

«Тебе бы из своего Монреаля не в Нью-Йорк надо было подаваться, а в Лос-Анджелес. Был бы сейчас кинозвездой, а не старшим аптекарем», – подумала Инна Всеволодовна.

Старшими аптекарями она про себя называла руководителей фармацевтических представительств.

– Ваше отделение клинической аритмологии демонстративно пренебрегает нашими препаратами, – продолжил месье Салат. – Зато «Эбби» (так он снисходительно-презрительно называл «Эбигейл лэбораториз») они уважают. Непонятно только почему.

– Мне непонятно, почему у вас сложилось такое мнение, Оливье? – Инна Всеволодовна откинулась на спинку своего огромного, очень удобного кресла и впилась глазами в собеседника. – Или вы знаете что-то, чего я не знаю? А-а, навер-

ное, в нашем институте у вас есть агенты...

– Нет, – улыбнулся француз. – В нашем бюджете нет такого пункта. Просто мы сотрудничаем со многими медицинскими учреждениями, получаем от них информацию, в частности – копии выписок пациентов...

– Это же незаконно! Конфиденциальная информация медицинского характера...

– Простите, Инна Всеволодовна, наверное, я сказал что-то неправильно, – способность мгновенно уходить в закрытую наглухо оборону – одно из главных качеств делового человека. – Русский язык такой трудный...

– Особенно если ему учит ребенка с пеленок родная бабушка, – съязвила Инна Всеволодовна. – Ладно уж там, выкладывайте...

Оливье выполнил «приказ» дословно – щелкнул замками своего черного портфельчика и выложил на стол перед Инной Всеволодовой толстенькую пластиковую папку.

В папке были копии выписок пациентов отделения клинической аритмологии. Все они рекомендовали продолжать амбулаторное лечение препаратами, производимыми «Эбигейл лэбораториз». С учетом того, что амбулаторное лечение в девяносто девяти процентах случаев назначается согласно рекомендациям, данным в выписке из стационара (да еще и из такого авторитетного, как НИИ кардиологии и кардиососудистой хирургии имени академика Ланга!), это было ощутимым ударом по интересам «Перк, Сэндс энд Хаус». Не та-

ким уж и большим ударом, но, с другой стороны, в бизнесе мелочей не бывает. Год назад они с месье Салатом договорились о целевом продвижении антиаритмических и гипотензивных препаратов производства «Перк, Сэндс энд Хаус», и вдруг такой сюрприз! Как будто отделение клинической аритмологии живет само по себе и не признает никаких авторитетов! Руководством института на основе тщательного изучения вопроса и анализа данных клинических испытаний рекомендованы определенные препараты как лучшие из лучших. А одна из заведующих, оказывается, гнет свою линию! Вот так номер!

– Я могу вам это оставить, – сказал Оливье, предвосхищая вопрос Инны Всеволодовны, и заодно позволил себе дерзость: – Мне было очень обидно...

– Давайте не будем устраивать трагедию из одного случая! – оборвала его Инна Всеволодовна. – Я разберусь. Кстати, если говорить насчет обид, то никто ведь не обещал вам полного отказа от сотрудничества с «Эбигейл Лэбораториз». Или я ошибаюсь?

– Не обещал, – подтвердил собеседник. – Инна Всеволодовна, вы как та мудрая обезьяна, которая наблюдает с высокой горы за схваткой тигров...

Сказал и сразу осекся, потому что сравнивать женщину с обезьяной, пусть даже и в качестве комплимента, не очень-то стоит. Тем более если женщина лицом немного смахивает на предмет сравнения – слегка приплюснутым носом, над-

бровными валиками, массивной нижней челюстью.

Инна Всеволодовна пропустила сомнительный комплимент мимо ушей.

– Я далека от мысли стравливать вас и «Эбигейл лэбораториз». У меня несколько иные цели – я занимаюсь наукой...

Последняя фраза была сказана с долей пафоса. Наука – очень удобный, можно сказать, универсальный щит, которым можно прикрываться в любой ситуации.

– ...И меня в первую очередь волнует то, что в одном из отделений нашего института происходит нечто...

– Антинаучное! – пошутил месье Салат.

– Давайте не будем перегибать палку, Оливье! Продукция «Эбигейл лэбораториз» соответствует всем требованиям, просто ваши антиаритмики и гипотензивные лучше зарекомендовали себя и, что немаловажно, стоят немного дешевле аналогов «Эбигейл лэбораториз». Поэтому мы и рекомендовали их. Кстати, Оливье, вы знаете, что сказал мне недавно ваш заклятый конкурент Паркер?

Ричард Паркер руководил российским представительством «Эбигейл лэбораториз».

Месье Салат поморщился, словно говоря: «Ах, ну что хорошего может сказать этот аферист?»

– Он сказал – «Эбигейл лэбораториз» готовит какой-то мощнейший демпинг, чуть ли не прорыв. Вы мне друг, Оливье, и поэтому я решила выдать вам эту тайну.

Паркер говорил нечто иное, но почему бы не подлить в

неутихающий огонь конкурентной борьбы немного масла? Если даже Жермен сразу и не поверит, то, во всяком случае, задумается... А в следующую встречу можно будет сказать, каким был размер последнего пожертвования «Эбигейл лэбораториз» в благотворительный фонд «Мое сердце» при Российском научно-практическом объединении кардиологов и ревматологов. Можно будет и документы показать, если на слово не поверит.

Фонд и научно-практическое объединение были детищами Инны Всеволодовны, созданными в первую и главную очередь для себя и своих целей. В мыслях, а иногда и в разговоре с отцом или матерью, которых незачем было стесняться, она называла фонд «моя копилочка», а объединение – «мой паноптикум».

Только вот разговор о размерах взноса надо начинать после исправления ситуации в отделении клинической аритмологии. Сегодня это было бы преждевременно.

За Оливье Жерменом еще не успела закрыться дверь, а Инна Всеволодовна уже жала на кнопки телефона, подключенного к внутренней институтской сети.

Заведующая отделением Махова осматривала вместе с палатным врачом Даниелян одного из новых больных, когда в палату влетела старшая медсестра.

– Анна Ильинична, вас срочно требует Инна Всеволодовна!

– Продолжайте без меня, Карина Ашотовна, потом обсу-

дим, – сказала Махова врачу и обернулась к лежавшему на кровати пациенту: – Извините, меня срочно вызывает руководство.

В коридоре она вопросительно посмотрела на старшую медсестру. Та пожала плечами и развела руками – не знаю, по какому вопросу. Но было ясно, что ничего хорошего ждать не стоит. От Инны Всеволодовны вообще не стоило ждать хорошего, а уж если она «срочно требует» – и подавно.

– Не уходи, пока я не вернусь! – предупредила Махова и, не заходя к себе в кабинет, отправилась, куда звали.

Шла она быстро, еще бы чуть-чуть – и сорвалась бы на бег, но бежать было несолидно. Но и заставлять ждать Инну Всеволодовну тоже не хотелось – каждая минута ее возмущенного ожидания могла обернуться лишними проблемами. Инну Всеволодовну не интересует, где в данный момент находится и чем занимается сотрудник, которого она пожелала видеть, – на операции, на обходе или вообще оказывает кому-то реанимационное пособие. Царевна Лебедь тебя вызвала – значит, как в сказке положено, стань передо мной (то есть перед ней), как лист перед травой. А то...

Впрочем, сегодня Анне Ильиничне можно было идти к директорской дочери медленно, не торопясь, – все равно хуже бы не было. Инна Всеволодовна предъявила доказательство – папку, оставленную Жерменом, и устроила Анне Ильиничне показательный разнос, недолгий, но очень бурный, завершившийся фразой: «Такие заведующие, как вы,

институту не нужны!» Правда, не дала команду «паковать чемоданчик», то есть не отправила напрямик в отдел кадров со своим излюбленным напутствием: «Даю вам шанс уйти по-хорошему», что внушало надежду. «Может, и обойдется, – думала Анна Ильинична, возвращаясь к себе и кусая губы от обиды и злости. – Может, пронесет».

Обижалась она на наглую директорскую дочь, как-то незаметно, но очень скоро поставившую себя выше всех, в том числе и выше своего отца, директора института, а злилась на себя, на свою неосмотрительность и самонадеянность. Это же надо было так оплошать – поддаться на уговоры коммерческого представителя «Эбигейл лэбораториз» и начать рекомендовать препараты их производства выписывающимся пациентам. Казалось, что этого никто не заметит – все же знают, что Субботина подмахивает выписные истории не глядя, – а сумма за месяц набегала впечатляющая. И врачи были рады – им тоже перепало. Ах, Сережа, Сережа (Сережей, или Сергеем Яковлевичем, звали представителя «Эбигейл лэбораториз»), змей-искуситель! Надо же было так тупо подставиться! Медицинский мир – большая деревня, в которой все тайное очень быстро становится явным, уж ей ли этого не знать, с ее-то опытом!

Хотелось рыдать, вить, заламывать руки, разбить что-либо хрупкое и чтобы непременно пожалели. Но вместо этого приходилось идти по коридорам и переходам, растягивать дрожащие губы в улыбке и на вопрос: «Что случилось, Ан-

на Ильинична?» (красную, как свекла, физиономию в карман, увы, не спрячешь) отвечать: «Пустяки, давление слегка подскочило». Слегка! Ха-ха-ха, как бы не так! Померить, так все двести двадцать на сто пятьдесят намеряешь, вон как в ушах-то стучит и грудь стиснуло. А в глазах красные круги плавают. А в голове вопрос: «Неужели придется в скоропомощную больницу уходить?» Ох, мать моя женщина, иначе и не скажешь...

Инна Всеволодовна славилась умением обращать все происходящее себе на пользу и извлекать эту самую пользу даже из поражений и прочих ударов судьбы.

Прозвали в институте Царевной Лебедь с намеком на то, что директорская дочь (в пределах института – настоящая царевна) не блещет красотой? Прекрасно! Вскоре на одной из пресс-конференций Инна Всеволодовна сказала:

– Я работаю по двадцать пять часов в сутки, стараюсь, пока есть силы и возможности (неплохое заявление для тридцатипятилетней женщины!), успеть сделать как можно больше. Недаром же меня прозвали Царевной Лебедь – волшебницей из сказки Пушкина.

Вот так – разом всех уела. Ехидничайте, ехидничайте, что вам еще остается делать? Для усиления эффекта Инна Всеволодовна повесила в своем кабинете ужасную лубочную поделку в старорусском стиле, купленную на барахолке в Измайлово (по ее мнению, называть это убожество «вернисажем» было бы чересчур, Инна Всеволодовна была взыска-

тельна ко всем, в какой-то мере и к себе самой). На лубке была изображена крылатая женщина, а ниже старославянской вязью, но почему-то без ятей и всяких там «и» десятиричных, было написано:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.